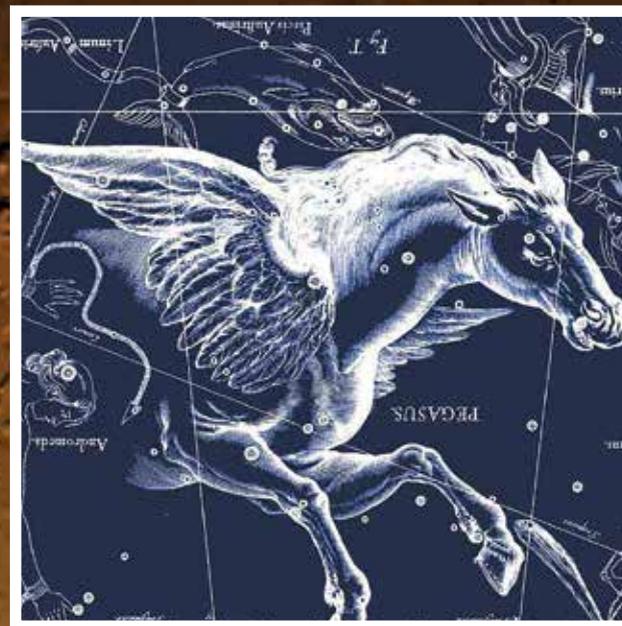

ISBN: 978-5-98216-177-9

ГЛАГОЛ
Карта современной поэзии

ГЛАГОЛ

Карта современной поэзии

ГЛАГОЛ

Карта современной поэзии

Неохватна карта современной русской поэзии. Ныне интернет даёт возможность «высказаться в рифму» и маститому, и начинающему автору. Как сориентироваться читателю в разлитом море стихов? Где тот маяк, что укажет верный курс?

И если знаменитый во все времена альманах «День поэзии» даёт панорамную картину, то у сборника «Глагол», выпускаемого в рамках издательского проекта «Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону», задача иная.

Составители собрали и выносят на читательский суд творчество тех ныне здравствующих поэтов как в глубинке, так и в столицах, кто интересен им самим вне зависимости от обстоятельств. Ни регалии, ни пол, ни возраст, ни место проживания не имеют решающего значения. Главное – достойный уровень поэтических сочинений, поверяемых образцами русской классики.

ГЛАГОЛ

Карта современной поэзии

Составители

Виктор Петров

Виктор Тихомиров-Тихвинский

2017

Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Г 52

Г 52 Глагол. Карта современной поэзии/ Сост.: В. С. Петров, В. А. Тихомиров-Тихвинский – Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону: Дониздат, 2017. – 208 с.

Настоящее издание, составленное на принципе равноправия – всем авторам отведено по три страницы, есть попытка дать представление о современной русской поэзии и адресовано широкому кругу любителей литературы.

ISBN 978-5-86216-177-9

@ Авторы, текст, 2017

@ Составление Петров В. С., 2017

@ Составление Тихомиров-Тихвинский В. А., 2017

Анатолий Аврутин

* * *

По хлипкой тропинке брести осторожно...
Былое размылось... Выдумывать – лень...
Неправда, что на сердце так же тревожно,
А правда лишь то, что зачахла сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
О вечной судьбе, что одна на двоих.
Неправда, что помнят озябшие руки
Тревожащий трепет ладоней твоих...

Есть Чёрная речка, Нева и Непрядва...
И дождь, что за шиворот нехотя льёт.
Есть Слово... И всё остальное – неправда,
А правда, что птицам сегодня в отлёт.

Неправда, что ждать остаётся немного –
Закрутит, сломает, ударит под дых...
А правда лишь то, что раскисла дорога
Да ветер свистит в колокольнях пустых.

* * *

Звезда, исполненная мрака,
 Дитя измученных словес,
 Ты родилась, ты есть однако,
 Ты мчишь сквозь марево небес.
 И не светя, и поглощая
 Свечение иных планет,
 Летишь в сознание – ты иная,
 Подобных не было и нет.
 Иные пусть напрасно тщатся
 И освещать, и озарять ...
 Ты с упоением святотатца,
 Ночному дворнику подстать,
 Их слабый свет во тьму сметая,
 Летишь – сама беззвучный мрак ...
 В крошечной тьме – и тьма иная,
 Но и она не просто так
 Сменила звёздных многоточий
 Всепоглощающий покой,
 Где ты летишь, как гений ночи,
 Как гений страшный и слепой.

* * *

На склоне дня чернее клёны
 И непрозрачней зелены.
 Густеет воздух воспалённый
 На склоне дня, на склоне дня.

Но что-то есть в небесной муке
 Такое, что внезапно, вдруг,
 Себя услышав в трубном звуке,
 Душа летит на этот звук.

А где-то там, за луговиной,
 С собой печали заслоня,
 Гудит простор о ночи длинной –
 На склоне дня, на склоне дня.

Превыше зла и всепрощенья,
 Чуть разгорается вдали
 Вот это белое свечение
 Над чёрным краешком земли.

И непонятно, что за сила
 Туда, за горестный предел,
 Тебя доселе возносила,
 Покуда день не отгорел ...

* * *

Вот и снова костёр погас,
 С поднебесья не слышно труб.
 Тополиная горечь глаз,
 Соловьиная прелесть губ ...

Пресловутое время Ч –
 Время женщины-палача.
 Показалось, что боль в плече,
 Но болит впереди плеча.

Показалось – гудит висок,
 Будто в трубах взрывающая медь.
 Но какой в этом гуде прок,
 Если не о чем тут гудеть?..

И стою ... И шепчу взахлёб ...
 И не помню, о чём шепчу ...
 И слетает листва на лоб,
 Нервно катится по плечу.

И останешься сам с собой,
 С тем, что глухо стучит в виске,
 Между отсветом и звездой,
 Возле росчерка на песке ...

г. Санкт-Петербург – г. Минск

Дмитрий Артис

* * *

Всё суета, мой друг, всё – суета. –
Не говори восторженно, не думай,
что, добежав до возраста Христа,
сумеешь в одночасье наверстать
упущенное в молодости, друг мой.

К чему такой возвышенный посыл,
мол, если надо – прошлое догоним?
... Всё то, что ты когда-то упустил,
спокойно умещается в горсти,
на детской помещается ладони.

* * *

Ни предрассветных ожиданий,
ни оголтелых вечеров.
Который год как между нами
не происходит ничего.

Примерны дни, и сны покойны,
невозмутимо далеки.
Сменились исподволь поклоны
на неуместные кивки.

Не жизнь, а сдобренная догма.
Уже не чувствуя стыда,
я возвращаюсь ненадолго
и ухожу не навсегда.

* * *

Не выходи на улицу в домашнем,
сам по себе собою восполним,
пугая окружающих всегдашним
хорошим настроением своим.

В погожий день и даже в непогожий
(зигзагом, прямым, наискосок)
не совершай на улицу бросок,

забыв на перекладине в прихожей
пиджак из камуфлированной кожи,
перчатки, шлем, защитный пояс.

Среди людей отчаявшейся мощи,
клубящейся на фоне бытия,
всегда найдётся кто-нибудь попроще
и, стало быть, опаснее тебя.

* * *

Тяжелее всего начинать. Досчитаешь до ста,
не решаясь наполнить пространство пустого листа.

Доброй ночи тебе! Мои боги уснули немного
на широкой груди своего ненадёжного бога –

так они называют меня. Я вздыхаю чуток,
и считаю до ста, и смотрю, как дурак, в потолок.

Баю-баю-баю, баю-баю-баю, баю-баю,
не смею над собой, но слегка сам себя улыбаю.

Глагол

Мои боги – я так называю три года подряд
золотого ребенка и мать его – вроде бы спят.

Можно встать, и писать, и печататься в собственном блоге:
«Доброй ночи, Господь, и спасибо, что счастливы боги».

* * *

Ещё немного – и песчаным ливнем
накроет Рим, последний, третий Рим,
и мы с тобой об этом говорим,
а надо бы о чём-нибудь наивном.

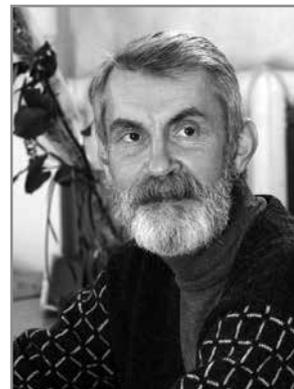
Допустим, о бессмертии Вселенной,
но мы упрямо говорим о не-
избежности: об атомной войне,
о том, что все умрут и мы – со всеми.

А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны ...
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь.

Уже ничто не будет повторимо,
уже никто не будет повторим,
и мы с тобой о Риме говорим,
но Рима нет, не будет больше Рима.

г. Санкт-Петербург

Глеб Артханов

* * *

Опресноки или дрожжи,
Сласть иль горечь – всё одно...
Я напитан словом Божьим!..
Что мне хлеба и вино?

Взгляд – сумняшеся ничтоже,
Взмах творящего стила...
Славлю я творенье Божье!..
Что все прочие дела?

Тьму сердечных дел итожа,
Воскружу в крушение их...
Я омыт любовью Божьей!..
Что мне лесть всех жён земных?

Дом возвесть мужчине должно,
Заповедано исконь...
Облачён я светом Божьим!..
Что мне серая посконь?

Шлях земной давно исхожен,
Кости тащишь по золе...
Не скудеет милость Божья!..
Что искал я на земле?

Вражье семя бродит, гложет,
Душит душ святую Русь...
Всеблагодью со мною Боже!..
И кого же убоюсь?

ЛАЗОРЕВЫЙ ВСАДНИК

Синеет матовое небо,
Синит волны рябую ртуть.
Где б ни был я – и где я не был –
На юг склоняется мой путь.

Пустыня горная во взоре
Отобразится чернотой,
Прольётся на пустыню моря
Сиянье синью золотой.

И над небесною пустыней,
На юг вздымая столп огня,
Стоит недвижно всадник синий
И дыбит синего коня.

* * *

А нынче ночью не оранжева –
Тускло-сиренева небесность...
Древес и крошевом, и кашевом,
И чернью полнится окрестность...

Сегодня – тихая застенчивость...
Как ни бушуй – пустое дело...
И затаилась переменчивость,
Притихла в медленных пределах.

Притихло вьюшево – надолго ли?..
Кажись, не надолго притихло...
То охами, то перетолками,
Бывало, запуржатся иглы...

К себе измена да привыкла бы?
Такого нет и не бывало...
И тычет ледяными иглами
И кольями куда попало...

* * *

И снова пожран и ободран,
И, почерневший, вновь стою,
И сатана берёт под рёбра,
И хочет выпить жизнь мою...

Хотелось порадеть о сыне,
О милой потужить красе...
Да обносились что-то ныне
Спожитки и добытки все.

Во поле ветер лишь – на воле, –
И рад, что согнан со двора!..
Да и другой не нужно доли,
И восвояси мне пора...

Как сок кизилковый бродила
Жизнь, восскорбя и возлюбя...
Одно молю: оставь мне силы
Восславить, Господи, Тебя!..

г. Санкт-Петербург

Владимир Алейников

* * *

Не твоя ли пора, состраданье,
Пробудилась? – я вправе спросить:
Укрепишь ли души ожиданье?
Новой жизни успеешь вкусить.

У Того, кто судьбой моей движет,
Есть в запасе и Слово, и взгляд, –
Мне-то ведомо, кто это нижег
Миг за мигом, все годы подряд.

Нарастанье, струенье, сгоранье,
Неизбежности ржавый налёт –
Уж не то ли пришло состоянье,
Что хранит, но за горло берёт?

У меня пониманья хватает,
Чтобы слух не рубить на корню, –
Кто по осени звёзды считает?
Голос крови ни в чём не виню.

Вросши в почву и вырвавшись к небу
Средь разрухи, спалившей нутро,
Никому я не пел на потребу –
Хлеб чужбинный ли, бес ли в ребро.

Никогда не терял я дыханья,
Даже в гибельной яви былой, –
Поруганье? – о, нет! – полыханье
Веры, выжившей там, под золой.

Как бы выразить суть этой воли,
Что с надеждой была заодно,
Что сомнений отвела соли
Там, где память стучалась в окно?

Потому-то любви и подвластно
Всё, что в мире дано мне сберечь, –
И, как встарь, отменяя соблазны,
Обретает величие речь.

* * *

Горловой, суматошный захлёб
Перед светом, во имя полёта, –
И звучащие вскользь, а не в лоб,
Хрящеватые, хищные ноты.
Столько цепкости в свисте сплошном!
Льготы вырваны клювами в мире –
И когтистая трель за окном,
Подобрев, растекается шире.
Сколь же любви мне эта вот блажь,
Эта гибель презревшая хватка,
Эта удаль, входящая в раж,
Хоть приходится в жизни несладко.
Пусть сумбурен пичужий вокал –
Но по-своему всё-таки слажен,
Потому что жестокий закал,
Как ни фыркой, конечно же, важен.

И не скажешь никак, что отвык
От захлёстов капризных и ахов,
Потому что вселенский язык
Полон вздохов невольных и взмахов.
Мне сказать бы о том, что люблю
Этих истин обильные вести,
Но, заслушавшись, просто не сплю –
А пернатые в силе, к их чести.

* * *

Я лето своё упускать не хотел,
Навёрстывал всё, что забросил, –
И ветер бывалый сквозь листья летел
Со взмахами крыльев и вёсел.

Вверху облака собирались гуртом,
Клубились дожди табунами, –
А море заботилось только о том,
Чтоб гребни вздымать над волнами.

Когда бы пространством не наполнилась грудь
И уст не касалась свобода,
В напёрсток вместились бы зрелости суть,
Погуще лежалого мёда.

И с норовом всё-таки выдался год,
Летающий над бездною смуты, –
Овечий иль козий, но вынес, – и вот
К душе прикипел почему-то.

Кыпчакская хватка и скифская блажь,
Славянская жгучая сила
Срослись – и так просто уже не отдашь
Того, что действительно было.

В крови остаётся на все времена
Звучащее сызна слово –
И ветер летит, разбросав семена
Издревле идущего зова.

п. Коктебель

Сергей Арутюнов

* * *

Ещё бесснежен сумрак вековой,
А ты, до края чашу наливая,
Отчливаешь в облачный конвой,
Где так вторична участь нулевая.

Заткнись и пей. Вторая соколом.
Тверди, мол, мир от смерти заслоняю,
Вобрав немолчный шелест за окном,
Пошатываясь между сном и явью...

Не пробуждайся. Молча, сиротей,
Размокшие талоны отоварив.
Оттиснут на сетчатке серый день,
И ранняя зима, и гром трамваев,

Когда твоя судьба чернее шпал,
Болезненнее плёток семихвостых,
Уместно вспомнить, как полжизни ждал
Чего-то запредельного, как воздух,

Но вымахнув почти на полтебя,
 Как сивка перед горками крутыми,
 Стоит октябрь, и паче бытия –
 Предзимний взбрык унынья и гордыни.

МОЕМУ ДОНБАССУ

Прощаешь и содом, и запустенье,
 Когда, истерзан бесконечным сном,
 Недели две не в силах встать с постели,
 Лежит январь, предсмертно невесом.
 А день уже прибавился немного,
 И, неба задымлённого густей,
 Скрипит заслонкой царствия дневного
 Холодный свет зеркальных плоскостей.

И вдалеке, где отмели песчаней
 Курантов, что фатально отстают,
 Сквозь череду надежд и обещаний
 Просвечивает некий абсолют.
 И в дверь его уже не постучаться,
 В сених не снять вакульных черевик;
 Гармония природы безучастна
 К людским стадам и назначенью их.

Но чьей бы плотью дух не облакался,
 В нём каждый атом вечно выжидал,
 Когда отпавший примет, как лекарство,
 Рябящего экрана высший дар
 И тот язык, лепечущий суконно
 Змеиные слова – «гноись, иовь»,
 И колокол, подвешенный за горло,
 Боднувший воздух и умолкший вновь.

* * *

Когда над крышами горит
 Усталость ледяного плена,
 И явь отсвечивает бледно
 Меж Сцилл кровавых и Харибд,
 На ржавых пиках арматур
 Трепещет горизонта сажень,
 Чтоб ветер, землю искусавший,
 Аллеям слёзы промокнул,

Мне холодно в родном краю,
 Протопленном с такой натугой,
 Что ноздри забивает уголь
 И злаки чахнут на корню.
 Мне – холодно в краю родном,
 Без мыслей, чувств, надежд, желаний,
 Когда манит зрачок шерханий
 На запасной аэродром,

Где хором дизели козлят,
 Не помня, как весны хотели,
 И март врывается в котельни,
 Удушьем затыкая взгляд.
 Что делать мне? Охолону
 Под ликами канонов строгих,
 Стадами блёклых новостроек,
 Расписанных под хохлому.

И лишь густая синева,
 Дымясь эффектом парниковым
 Встаёт враспор, как в горле комом,
 Самой собой осенена –
 Одна, не пятысь, не юля,
 По испохабленному праху
 Внесёт прижизненную правку
 Последним снегом февраля.

г. Москва

Юрий Беликов

СКОРЫЙ ПОЕЗД БЫВШЕЙ ИМПЕРИИ

Поезд шёл, готовый развалиться,
с дребезгом и лязгом, на одном
болтике держащийся чудном,
и, два раза выкрикнув: «Граница!»,
убредала наша проводница
две таможни потчевать вином.

Поезд шёл, ночной и скорый, впрочем,
так ребёнок в толщу одеял
с головою прячется от ночи, –
поезд медлил, полз, не шёл, короче,
выжидал, казался обесточен,
но дома в округе освещал.

Надвое разрезав человека,
даже не заметил – поезд шёл
мимо городов и мимо сёл,
века наплывающего – эка
невидадь! – разрезал человека –
скольких он уже разрезал, мол.

Главное, что живы пассажиры,
а бригаду можно не менять.
И зачем всему составу знать,
что летят с колёс кишки и жилы,
что несчастной стала чья-то мать,
что убийца – поезд, если живы
пассажиры, надо ль горевать?

Бывшую Империю сшивая,
он хранил с ней кровное родство,
и она за ним, ещё живая,
всё гналась до самого до края,
дыни, как планеты, простирая
к тамбурам захлопнутым его.

ЗАМЫТАЯ ЛОДКА

Песком – по самые борта –
замыта брошенная лодка:
вся – от ступней до подбородка.
На лбу скрутилась береста.
Природа или человек
песком её утрамбовали –
отгадка явится едва ли,
а волны катятся на брег.

Но кто-то же, неукротим,
в той лодке мчался на моторе,
и каждый мост гудел в дозоре,
когда она равнялась с ним?!
Он, видно, силушку имел,
в песок сошедшую досрочно,
и рюмочки часов песочных
нам опрокидывать велел.

У лодки вся её родня –
собака, черви дождевые
да два бомжа, едва живые,
прибавь сюда ещё меня.

Глагол

Глядим в оцепененьи некоем:
не человек и не сурок –
в забытой лодке спит песок,
внезапно ставший человеком.

ГАРМОНЬ, РАЗОРВАННАЯ НАДВОЕ

Я представил, что Россия, как гармонь со мной взята,
я услышал сквозь мехов свистящий вздох,
как бегут по-на две стороны Уральского хребта
запыхавшиеся пальцы поездов.

Давит-давит-давит-давит на басы свои Сибирь,
и, по кнопочкам до струйки нисходя,
там, за Псковом дарит-дарит откровения сивилл,
голоса в тумане, родина дождя.

Ты, одна шестая суши, расскажи, о чём звучишь?
То ли милостыню просишь, то ль сама
тем, что лезешь Богу в уши, ты частям остатним, ишь,
чудо-музыку вливаешь задарма?

«Дыр, бул, щыл» – совсем не заумь, а гармонь блажная та
в дырах, бульках, щелях – раны таковы.
Можно сжать её без звука до Уральского хребта
и разжать её без звука – до Москвы.

Кто гармонь к себе притиснул? «Дырбулщылит» у лощин?
Что сложить не могут рваные меха?
«ПростоДЫР...», потом – «БУЛатом...», а в концовке – «улеЩЫЛ».
Ах, не кровушкой ли пахнет от стиха?

Половина той гармонии уползает на восход,
половина уползает на закат.
Разорвали её, дьяволы! Сижусь, зажавши рот.
То ли зубы, то ли клавиши летят.

г. Пермь

Любовь Берзина

* * *

Силуэты заснеженных станций,
Запорошенный профиль полей,
Убегают, не просят остаться,
И твердят: «Не жалеи, не жалеи».

За невытым окошком вагона
Из-под ног уплывает земля,
И кладут мне земные поклоны
Тополя, тополя, тополя.

И пускай меня поезд уносит
Мимо, мимо, в метельный туман,
Сердце слиться с Отчизною просит
После всех экзотических стран.

Чтобы избы медовые очи,
Словно в кружево, прятали в снег,
Чтоб здоровался так, между прочим,
Незнакомый совсем человек,

Чтоб в бездонных колодцах не стыла
 Ледяная густая вода,
 Чтобы верной тропой водила
 Над чернеющим лесом звезда,

Чтобы купол с крестом золочёным,
 Путеводный, ночами не гас,
 И в медвежьих углах потаённых
 Кто-то тихо молился о нас.

* * *

Над деревней, что в полях видна едва,
 Приподнялась золотая голова.

Баба по воду отправилась с утра –
 Расплескала, глядя в небо, полведра.

Золотой пророс над крышами шелом,
 Своим светом озаряет каждый дом.

А над ним – нечастый гость для этих мест,
 Разгорелся нестерпимым светом крест.

Ходит, глаз не поднимая, голытьба,
 Но не крестит тяжелеющего лба.

Лишь старуха у разрушенных ворот
 «Спаси, Господи!», – прошепчет и вздохнёт.

И пойдёт она по крестному лучу,
 И затеплит воску ярого свечу,

И помолится, склоняясь до земли,
 За безбожников, что в церковь не пришли.

А над нею крест горит, летит листва,
 И сияет золотая голова.

* * *

Прильну, как белая ромашка,
 К ногам, бегущим босиком.
 Я быть хочу твоей рубашкой
 И шейным вышитым платком.

Всё тщится и взлететь не может
 Густых бровей твоих чета.
 Я быть хочу твоею кожей,
 Чтоб не расстаться никогда.

Как свет луны, твой взор струится,
 И я ловлю его полёт.
 Пусть сквозь меня, как сквозь ресницы,
 Он утром солнечным пройдёт.

Какая б ни была эпоха –
 Пусть дух мой нищ и облик груб,
 Замру твоим последним вздохом
 На страждущей пустыне губ.

* * *

Душа, как камень, затвердела
 На дне расслабленного тела.
 Холодной рыбою уснула
 Средь моря грохота и гула.
 Змеёю подкольной стала –
 Оглохла, сгинула, пропала.
 Улиткой в панцире застыла,
 Чтоб вражья не пробралась сила.
 А после – птицею взлетела,
 Взглянув на брошенное тело.
 И в солнечных лучах пропала,
 Как будто бы и не бывало.

г. Москва

Владимир Берязев

* * *

Затеряться в полях, в лабиринте просёлка
С непотерянным шансом: однажды вернуться на тракт.
Ибо – почва черна. И – высоко-высоко
Вновь печалью и болью курлычут свобода и страх...

Одиночества лёд за грудиною тает.
Кто мечтает о славе – увь, до креста одинок...
А просёлоч ветвится и в небо живое вырастает.
За клубочком катясь, веруй! – это ль не главный урок?

Докатись до села, до околицы, возле погоста
Тормозни у кладбищенских вётел, постой у могил.
В майском ветре, родительски нежном, и ясно, и просто
Охолонешься веяньем тех, кого детской любовью любил...

БАЙКАЛЬСКИЙ РОМАНС

Пучок черемши, омулёк и стопарик!
Мои кореша – кержаки-молчуны –
Играли в игру «Заполярье-Сафари»
И смертью не были побеждены.

Байкальские льды разломало ветрами.
Весна молодая разбила припай!..
Одарены будут Святыми Дарами
Раб Божий Корнила да брат Николай.

Подснежная звень голосит на поляне.
Небесная рать окружает Синай!
И вновь замыкают собой соборяне
Сибири-Руси непотерянный рай...

* * *

Ветры с Карского моря по долгой дуге
Досягнули до кровель Алтая.
У меня ж за душой – лишь монетка-теньге,
Как потерянный май, золотая.

Тьма и холод опять норовят в кумовья,
Карусельную песню вертая.
Ты ль одна у меня, золотая моя?!
Как потерянный май, золотая...

И когда до небес полыхнёт молонья,
Из любви-грозы прорастая,
Распускайся и ты, золотая моя –
Как потерянный рай, золотая.

* * *

Себя уподоблю слепому,
Забредшему в осени блюз...
Я прожитой жизни не помню.
Ну, разве – на ощупь, на вкус.
Я жил или не жил? Ошмётья,
Обрывки сует суеты.
Какие такие угодыя
Засеял любовьию ты?..
Какое такое величье
Извлёк из отрепья-шмотья?..

Но – вера, как песня синичья,
Над мёрзлую мглой бытия!
Восходят со дна упованья
И жалобы детской восхлип,
И глыбы седого рыданья,
И Троицы свет из-под глыб.

* * *

Снова созвездья полны мощью вещей, чью волю не знаю,
Снова очи Петровой страны бесовиденьем искажены.

Снова вспыхнула белым крылом, поплыла колокольня лесная...
До-о-лгая дрожь... О зачем, Боже, звоны твоей тишины?!..

Каплею лишней готов я скользнуть с твоего коромысла:
Нам ли искать благодати на дорогах из загса в собес?..

Дай лишь молекулой быть, золотой кислородинкой смысла
Мне – в светоносных твоих голубых альвеолах небес!

* * *

Мне стало довольно притчи
И плача псалма Давида...
Какое тебе величье?
Какая хула-обида?
Из гумуса-чернозёма,
Из Божьего слова – делом,
Душа, по лучу ведома,
Восстань вопреки плевелам!
Взгляни на себя твёрёзо:
Не будет другого раза.
А всё остальное – проза.
А всё остальное – фраза...

г. Новосибирск

Владимир Бояринов

БОРОЗДА МЕЖЕВАЯ

Заметным явленьем сказаться желая,
Прорезала степь борозда межевая.

И звуком горячих апрельских речей
Озвучил её говорливый ручей.

А солнце всё выше, а речи всё глуше,
Промоина стала и шире, и глубже.

И поразнесли по степи ветерки
Весеннюю весть о рожденье реки.

В порыве согласия: «Вы правы, вы правы!» –
На берег шагнули полынные травы.

На левом угоре слетались стрижи –
Гнездовый своих возвести этажи.

На правом откосе зелёною тучей
Плакучие ивы нависли над кручей.

Да так напряжённо и немо нависли,
Что их посетили нежданные мысли:

«Нет, сроду не станет рекою живой
Овраг, что рождён бороздой межевой!»

Взглянув на такое другими глазами,
Деревья в деревню вернулись низами.

Под шелест в степи вызревающей ржи
В иные пределы метнулись стрижи.

Лишь запах полыни горчит и поныне
Да видится в цвета телесного глине

Овраг, словно рана земли ножевая.
А раньше была – борозда межевая.

* * *

Так случится, что даст петуха
Запевала небесного хора, –
И в гнездовье земного греха
Разразятся Содом и Гоморра!

И начнётся такой тарарам,
От которого смерть не спасает!
И по всем параллельным мирам
Разбросает нас. Ох, разбросает!

Я очнусь у высоких ворот,
Посреди мировой круговерти:
Свет – не свет, и народ – не народ,
И не люди вокруг, и не черти.

Разомкнётся живое кольцо
Незнакомого от роду люда.
Промелькнёт нечужое лицо.
И воскликну я: «Здравствуй, Иуда!»

«Мы одни, – скажет он, – мы одни!
Непонятны мне все остальные.
И родней не бывает родни,
Потому что мы оба земные».

Он вздохнёт: «Я устал призывать
Всех, кто знал о дрожащей осине.
А теперь есть кого предавать
И скорбеть о тебе, как о Сыне».

Взвою я от зелёной тоски:
«Сгинь, изыди, нечистая сила!»

...Что за жизнь, если даже доски
Гробовой – про тебя не хватило!

* * *

Из разора, из разрухи
Смыслу здравому назло
Ночью дерево разлуки
На руинах проросло.

Под остывшими следами
Цепенеющих комет
Налилось оно плодами
Поражений и побед.

И в прозренья одиноком
Тайным трепетом живёт:
Лишь бы дети ненароком
Не вкусили от щедрот.

И заламывая руки,
И расплёскивая тень,
Стонет дерево разлуки,
Проклиная судный день.

г. Москва

ПЕРЕКРЁСТОК

Я утром вышел из пальто, вошёл в седой парик.
Старик с повадками Тельца стучал в литую медь.
Шёл ветер с четырёх сторон, вбивал мне в глотку крик,
И шрамы поперёк лица мне рисовала смерть...

В окно с наклеенным крестом я видел, что бегу
Там, где у хлебного стоит, окаменев, толпа –
На той проклятой стороне, на страшном берегу,
Куда всегда летит шрапнель, бездушна и слепа.

Смотрите, я улёгся в снег, пометив красным путь,
И мамин вой ломал гранит, и гнул тугую сталь...
Я там оттаю по весне, вернусь куда-нибудь,
И позабуду, что хранит во все века февраль.

Я сбросил эту седину, я спрятал в пальцецо
Свои промокшие глаза, небывшую судьбу.
От страшного рубца отмыл промёрзшее лицо,
И в памяти заштриховал: по снегу я бегу....

НА НЕРЛИ

Между севером и югом зеркало воды,
Вот такая расписная местная весна!
Я опять смотрю с испугом на свои следы,
Там, где воду распинают шрамы от весла.

Я вдыхаю воздух древний посреди Нерли,
Небо как мишень пробито птицами, и вот
Мимо нежилой деревни, брошенной земли
Плоскодонное корыто медленно плывёт.

А внизу вздыхают рыбы, просятся в котёл,
Но на ловлю мы забили в этот странный час...
Всё равно, кто убыл-прибыл и чего хотел –
Мы проплыли, и забыли эти воды нас.

г. Иваново

Лариса Васильева

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Б. Г.

I

Весны счастливая кипень
звала познать многоузорье.
Смеялась пышная сирень,
взлетая на кремлёвском взгорье.
Там, где судьбу бедой прожгли
на почве, горечью политой,
и где беспочвенно прошли
остатки Речи Посполитой,
где обгорел Наполеон
в осеннем сполохе поджога,
где замер колокольный звон,
но вновь запел по воле Бога, –
там ты и я, там Божий Свет
нас любознательно встречает,
любви последней много лет
неисполнимо обещает.

Готовы верить потому,
что до конца не понимаем,
зачем живём, кадим кому,
кого на взгорье поднимаем.

II

О чём звонят колокола
столь убедительно и внятно,
нам от угла и до угла
Соборной площади понятно:
они зовут свести сердца
перед единой волей Бога
и своего не ждать конца
у бесконечного порога.
О чём все семь десятков лет
они забывчиво молчали,
не понимать причины нет
в купели горя и печали,
а вот по ком звонят они –
у каждого свои предлоги.
Уходят прошлой эры дни
и – застывают на пороге.

КАМЕНЬ

Москва и Питер непохожи,
хотя единая судьба
ведёт их рядом.
Дай нам, Боже,
сберечь достойных два столпа.
Две радости и две печали.
Два рукава и два крыла.
И кто в конце, а кто вначале,
не отражают зеркала.
Они былого отголоски.
Они воркуют и ворчат.
Их имена как будто тёзки,
хотя по-разному звучат.

Моск – камень*,
Пётр – тоже камень**.
Судьбою брошены вразлёт,
они живут, как лёд и пламень,
и оба – пламень, оба – лёд.
Приобретенья и потери
им одинаково близки,
друг в друга входят,
словно в двери,
закрытые на все замки.

ПУТЬ И ДОРОГА

Превозмогая жизнь упрямо
под снегом, ветром и дождём,
нельзя найти дорогу к Храму,
идя неправедным путём.
И прежде чем рядить и править,
взывая к сердцу и уму,
спросите Мать, как Сына славить,
где ставить памятник Ему.
Она укажет место это
не на горе, не под горой
и даже не в сиянье Света,
где Он – единственный герой,
а там, где кончится дорога
и Путь провидят небеса,
где произносят Имя Бога
неслыханные голоса,
где, правил церкви не наруша,
низами правит высота,
где видно всем, что наши души
есть Храм Спасителя Христа.

г. Москва

* По-старославянски

** По-древнегречески

Анна Гедымин

ЯРОСЛАВНА

Вот стоит, глядит из-под руки:
Дальше, дальше Игоря полки.

Выжил бы! Она и не в обиде
На удел свой: жди, тоскуй, молись.
Вытянулась, чтобы дольше видеть,
Как стрела, направленная ввысь.

Без него – темней, чем в мрачном сне,
Пусть скорее время убегает...
Но уже бессмертье настагает –
Здесь, теперь, в Путивле, на стене.

* * *

От смрада, от нервного быта,
От лютой толпы городской –
Туда, где дорога размыта
Не видной на карте рекой,
Туда, где светлы и бесслёзны
Окошки над самой травой –

Какие бы тёмные звёзды
Ни плыли над головой;
И стадо – послушно, тягуче –
Ползёт на пастушеский зов –
Какие бы сизые тучи
Ни застили горизонт.

Средь ласковых ив у обочин –
Дубок, восходящий на склон.
Он молод, размашист и прочен,
А значит – да здравствует он!

Да здравствует в дебрях кизила
Шмелиная спелая власть! –
Какая бы смерть ни сквозила,
Какая бы ложь ни сбывалась.

* * *

Будто видела – помню об этом дне:
Говорили: «Красные входят в город».
Это предок мой на гнедом коне
Мчал за криком своим, разорвавшим ворот.

Победитель! Его не задержит лес,
Не сломают ветра, не утопят реки...
Но другой мой предок наперерез
Выходил – остаться в бою навеки.

Два врага погибли – и две строки
Родословная вносит в свои скрижали.
До сих пор сжимаю я кулаки,
Вспомнив предков – чтоб руки не так дрожали.

Я поповская правнучка – и княжна,
На конюшне прапрадед мой был запорот...
Так – о боже! – что чувствовать я должна,
Если снится мне: красные входят в город?..

* * *

Живи в своей пустыне,
Забудь меня, забудь...
Уж хлопья золотые
Пустились в поздний путь.

Им легче, сбившись в стаю,
Срваться с высоты.
Их тоже забывают –
Деревья и кусты,
И птицы – те, чьи гнёда
Лелеяли они...

И вот сухие звёзды,
Сердечки, пятерни
Слетают мне на плечи...
У нас одна беда,
Мне тоже в стае легче
Прощаться навсегда...

* * *

Над русским полем сумрачно и голо,
Тоскует птица.
И небо сыто душами по горло,
А бой всё длится.

Опять беда ни в чём не знает меры
И рвёт на части.
Но в мире нет безропотнее веры,
Чем вера в счастье.

г. Москва

Глеб Горбовский

* * *

Он мог явиться кем угодно:
лучом разящим, веществом
таинственным, небеснородным,
в обличье странном, неживом...
Он мог на Землю выпасть снегом,
цветком немеркнущим расцвести...
А вспыхнул – Богочеловеком!
Чтоб возвестить Благою весть:
«Есть! Есть спасенье вашим душам:
любите Бога, гордецы...
Создавший – может и разрушить!..
Да будет разум ваш ослушный
смирненной жертвенной овцы».

НАРОД

С похмелья очи грустные,
в речах – то брань, то блажь.
Плохой народ, разнuzданный,
растяпа! Но ведь – наш!

В душе – тайга дремучая,
 в крови – звериный вой.
 Большой народ, измученный,
 небритый... Но ведь – свой!
 Европа или Азия?
 Сам по себе народ!
 Ничей – до безобразия!
 А за сердце берёт...

* * *

Виктору Тихомирову-Тихвинскому

По ночному шоссе – на бесшумной машине,
 то – слегка под уклон, то – к фальшивой вершине.
 Встречных фар оголтелых – холодное жженье.
 От статичного мира забот – отрешенье!
 А не спавшего сутки водителя клонит...
 Мы от смерти спасаемся, как от погони.
 Я вливаю в водителя крепкого чаю.
 И кромешную музыку молча включаю.
 По бокам от шоссе – средоточие мрака:
 там таятся деревья, провал буерака,
 бездыханные мёртвой деревни избушки
 и бессонные шорохи мышки-норушки.
 ... По ночному шоссе на машине бесшумной
 в направлении транс – от жизни безумной.

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжёлая от пыли.
 Ночь в проводах жужжит, как шмель.
 ... А ведь Есенина убили,
 Не вызвав даже на дуэль.
 За красоту, за синь во взгляде!
 Так рвут цветы, так жнут траву.
 Его убили в Ленинграде,
 Где я родился и живу.
 И, чтоб не мыслить о потере,

Снесли тот дом, где он... затих.
 Но и в фальшивом «Англетере»
 Витают боль его и стих.
 Вчера, сложив печаль в котомку
 И посох взяв опоры для,
 Я вышел в призрачных потёмках,
 Тайком из города – в поля,
 Туда – в зелёное... Где птицы...
 Где нам глаза его цвели...
 За убиенного в столице
 Просить пощады у Земли...

* * *

Огородная – благородная
 почва тихая, как музей.
 В ней таится судьба народная,
 в ней приметы планеты всей.
 Под лопатую что там звякает?
 Не спеши копать – тормозни.
 В сей земле товарию всякого
 обретёшь ты и в наши дни.
 Гвозди кованые гранёные,
 именная гирька-серьга,
 злая звёздочка от будёновки
 и чеканки древней деньга,
 штык немецкий, подкова шведская,
 наконечник-рожон копья,
 штоф с орлами, и вдруг – советская
 горе-пуговка от белья.
 Пуля-дура, века проспавшая,
 крест нательный, как изумруд...
 словно жизни листва опавшая,
 в землю-матерь ушедший труд!..
 Здесь, над Волховом, возле Ладоги,
 на семи ветрах, на буграх
 жили смертные, быт свой ладили –
 да святится их дивный прах!

г. Санкт-Петербург

Дмитрий Дарин

ДОРОГА ЖИЗНИ

Родному Ленинграду посвящается

Свет в измождённое лицо –
Сегодня прорвана блокада!
Долой смертельное кольцо
С опухшей шеи Ленинграда.

Кто в людоломне выжить смог,
Над хлебной пайкой зубы стисни –
Из всех проложенных дорог
Запомнит лишь Дорогу жизни.

Ползёт полуторка впотьмах,
Водитель знает цену рейсу –
Тут жизнь рассыпана в мешках
И раздаётся лишь по весу.

Под колесом неверный лёд,
И смерть слетает прямо с неба,
А непокорный город ждёт
Кусок спасительного хлеба.

Кто не дожил – не суждено,
Здесь от снаряда не воронка –
Ещё один пошёл на дно,
Пошла кому-то похоронка.

И сколько было их таких,
В прицеле «недовышей расы»
Менявших мертвых на живых,
На самой «оживлённой» трассе.

Не счесть дорог моей Отчизны,
Из них святая есть одна
Её зовут «дорогой жизни»,
К тебе проложена она.

Присядь и вспомни «на дорожку»
Как мало нужно неживым,
И собирай с ладони крошки,
Которых не хватило им.

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОССИЯ

Молчит в печурке уголёк,
Забывтый Богом уголок,
Так про деревню говорят,
Когда приехать не хотят.
А я приехал сам собой
С родной увидеться избой,
Чтоб снова стали мне близки
Мои соседи – земляки.
Глаза печальные коров
Глядят на несколько дворов,
Осколок сильного села,
Где жизнь бывала весела!
А ныне – тощенький забор,
И на пиле лежит топор,
И лодки две на два весла
Осталось с нашего села.

Раздую я в печи огонь,
И дед Антон возьмёт гармонь,
И снимет хмарь и маету
И ответит с души беду.
Путём, что с детства мне знаком,
Пойду на речку босиком
Купаться в розовой заре
По спелой яблочной поре!

Знаю, ты ответишь, попроси я.
Тайны родниковой не тая.
Где ты, деревенская Россия,
Где Россия русская моя!

ОДИН

Как дёгтем, мажут души ложью,
Как яд, вливают в души страх...
Идет старик по Запорожью
С советским знаменем в руках.

Теперь тут праздники другие,
Кто победил, того суди!
И, как священник панагию,
Он нёс медали на груди.

Людей пустые оболочки,
И в спину нехороший взгляд...
Парад Победы в одиночку-
Двойного качества Парад!

Назло судьбе и в пику карме
Он шёл с медалью за Берлин,
Он брал Берлин в составе армий,
А Запорожье взял – один!

г. Москва

Сергей Донбай

* * *

Дверь открой посредине России
И лицом к быстрине прикоснись;
Сколько там мужики искурили –
В тамбурах, размышляя про жизнь.

Мы с тобою на встречных экспрессах
Разминёмся. Помедлить нельзя!
Полетят параллельно и резко
Наши волосы, руки, глаза.

Свежий ветер, простор неоглядный...
Через слёзы предстанет страна –
Наши волосы треплет и гладит
На восток и на запад она.

ВОЛЯ

Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил:
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем Отечества был.

И входили в свободном потоке стихии
 Навсегда: возраст воздуха в тельце моё,
 Молодая, морозная сила Сибири –
 И снега, и таёжные жабры её.

Мама помнит, на сносях картошку копала...
 Я не помню, когда у меня неприязнь
 Появилась к той части людей, что считала,
 Что спесиво считала: земля – это грязь.

Приходилось и поле копать и могилу,
 Череп в руки я брал, отряхнув чернозём...
 Верю в землю родную, как в чистую силу!
 Жизнь не брезгает смертью – смелее во всём!

Я тонул, но река меня не утопила...
 И в награду за этот мальчишеский страх
 Мне ловить пескарей, без числа, разрешила
 И всё лето качала на тёплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду:
 Если в чайнике снег разогреть на костре,
 То как будто стихии даруешь свободу –
 Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
 И до самой травы снег просел под костром.
 Кружка с чаем дымится в ладонях... и можно
 Быть счастливым в тайге с этим малым теплом! –

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
 Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
 Чью-то новую жизнь соберёт и согреет
 Воля воздуха, влаги, земли и огня,

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

А нас обернуло порознь
 И вместе уже не раз:
 Глядит сквозь военную прорезь –
 Как целится – детство в нас.

И все эти годы мирные
 В глубоких тылах страны,
 Мы всё ещё эвакуированные
 Сиротственники войны.

Отчётливо в детство, в отрочество
 Вошла – до сих пор видна –
 Как общее наше отчество,
 Отечественная война.

ДЕРЕВЬЯ

Без листьев, без криков, без перьев,
 Под взглядами нашими сквозь
 Рентгеновский снимок деревьев –
 Гнезда охладевшая горсть.

Безжизненны и недвижимы.
 Уже отлетел листопад.
 И кажется, с каждой вершины
 И души вот-вот отлетят..

Деревьям не больно на свете.
 Но тронув рукою лицо,
 Как будто почую на срезе –
 Ещё годовое кольцо...

г. Кемерово

Валерий Дударев

* * *

Чужеземье миров и эпох,
Где всю ночь простоял не дыша ...
Ветер плыл, серебрился и глож
В родниковой глуши камыша.
Так, наверно, звучала свирель
До игры, до рождения мглы ...
Непролазная сельская сель,
Где тропинка цепляет стволы,
Где стряхнуть не посмеет рука
С подорожника гроздь росин,
Ни шмеля отогнать с василька.
Так, наверно, звучал клавесин ...

* * *

Есть в России тихие долины,
Где горят огни, а вечер тих,
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звёзды
Плачут, одиноки и чисты.
Даже в тёмном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь,
и смерть
в России есть!

СТАНСЫ

Смирять верлибром или ямбами
Тобольский зной,
Где день напрасно пахнет яблоком,
А ночь – сосной.

Пусть будет северным сияние,
Кедровой – длань,
Непоправимым заклинание
Меж трасс и бань.

Пусть соловьиное звучание
Сквозь зной и гарь –
На посошок толкнёмся чарками,
Сменив словарь.

В путь перекрестится бабульками
Святой отец.
Напрасен короб со свистульками
И леденец.

Ни Ермаками, ни Кучумами
Храним Тобольск.
Мы под горой кремлёвой чуяли
Иную боль.

О сколько звёзд на землю сброшено
За столько лет –
А все идёт Флоренский рощами
Под пистолет.

ЧАЙНАЯ

Я буду басовым и сильным
В истоках долгот и широт!
По гуду, по соли, по сини
Высокий дойдёт пароход.

Прилив в наслоении быстром
Разляжется, весел и прост.
Застыв, за Селеной, за пирсом
Покажется ветер и мост.

«Карамба!»
– звучало над чайной.
Вертела гашиш матросня.
Жгли крабы, причалы и чайки,
От ветра лишь эхо храня.

Сокровища!
Участь лихая,
Сверкая, заняла в горсти,
От крови лучась и харкая,
Пугая чумным Гаити.

Пугай!
Одинокий и сильный,
Вперёд по излучинам лет!
Пускай одноногий Джон Сильвер
Взойдёт на летучий корвет!!!

г. Москва

Евгений Евтушенко

* * *

Вспоминая счастья и расплаты все
после стольких пережитых лет,
что же предстоит ещё –
расплакаться
или улыбнуться напослед?

Разве было кем-нибудь доказано:
жизнь – она страшна иль хороша?
И была ли до конца досказана
хоть одна ушедшая душа?

* * *

Реализм еще недоисчерпан,
но сварганить всё можно шутя
из любого чего-то и с чем-то,
как играющее дитя.

Не уверен я –
устоятся ли
слишком умственные инсталляции,
а вот радуги устоят.
Как? – секреты Господни таят.

Шар земной так набит черепами весь,
но природа в нём вечно нова,
потому что в ней неисчерпаемость,
ибо сам он себе голова.

Сохрани себя –
Божию классику, –
шар земной,
всех шаров шаровей,
где российскому кланяюсь кладезю
я, колодезный журавель!

* * *

На зубах у невзгод, вроде жёлудя,
я чуть хрупнул во время войны,
слыша стук, словно жалобу жёлоба,
двух последних картошек страны.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Любиночки – что за словечко...
На посиделках у крылечка
шепнула ты: «Смелее будь.
Зайди под кофту... Там как печка», –
и пригласила руку в грудь.
Медведь тряс цепью во дворе.
Изба встречала, скрипнув глухо.
«Я, коль сравнить с тобой, старуха.
Шестнадцать есть?» Набравшись духа,
я сдунул с губ небрежней пуха:
«Давно уж было... В январе...» –
и золотилась медовуха,
шипя в брезентовом ведре.
Как танцевали мои зубы
по краю острого ковша,
когда поверх овчинной шубы
я ждал тебя, любить спеша.
И ты сказала: «Отвернись», –

а я совсем не отвернулся
и от восторга задохнулся,
взмывая в ангельскую высь.
Ты пригрозила, вскинув ступку:
«Бесстыжий... Зыркать не моги!» –
и, сделав мне в душе зарубку,
легко переступила юбку,
и трусики, и сапоги,
став нежным ангелом тайги.
Давно вдова, а не девчонка,
белым-бела, лицом смугла,
меня раздела как ребенка,
рукой голодной помогла.
На пасеке в алтайской чаще
смущался я того, что гол,
но я в тебя, дрожа от счастья,
как во вселенную вошел.
И стал впервые я мужчиной
на шубе возчицкой, овчинной.
Тебе с отвычки было больно –
пять лет назад был муж убит.
Закрyla ты глаза неволью,
его представив может быть.
Был пчелами твой лоб искусан.
Узнав, что мне пятнадцать лет,
упала ты перед Иисусом,
рыдая: «Мне прощенья нет...»
И он простил тебя, конечно,
за то, что ты, почти любя,
стекляшкой бедного колечка
в меня вцарапала себя.
И всю истовостью тела,
грудей нетроганно тугих
ты наперед тогда хотела –
чтоб я любил тебя в других.

п. Переделкино

Наталья Егорова

* * *

Сяду в травы над алою бездной.
Свешу ноги в обрыв мировой.
Здесь прошёл экскаватор железный,
Сор и землю мешая с травой.

И в земной разорённой пучине,
Как в межзвёздной колышутся тьме
Гнезда ласточек в огненной глине,
Груды ржавого сора в траве.

Свистну в воздух по певчие души.
И тогда, если мне повезёт,
Белобрюшки и береговушки
Хлынут в синее пламя высот.

На краю мирового порядка
Что ты свищешь во тьме огневой,
Щебетунья, летунья, касатка,
Птица-ласточка над головой?

Ты поёшь, что в жестокой обиде
Мир смывает полярная мгла,
Что, проснувшись, Земля на орбите
Как касатка в гнезде – ожила.

Что от страшной космической силы,
Затаившейся в бездне родной,
Ни крылатым певцам, ни бескрылым
Не укрыться в ковчег ледяной.

Так прощай, человечье, земное.
От грядущего знания знобит.
Снова разуму снится иное
В диких травах межзвёздных орбит.

И становится даром небесным
Смелость жить разоренью назло,
В чёрной туче над алою бездной
Вольной птицей ложаешься на крыло.

Но щебечет хвостатое диво
Так легко, словно здесь меня нет,
На краю мирового обрыва
У лица пролетая, как свет.

* * *

Всё, что прожито здесь, и горчит, и свободой ранит,
И с грядущей жизнью так больно и ясно роднит.
И гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красной птицей парит.
А в старинном буфете, на штофе с наливкой клубничной,
Отблеск ранней зари слился с бликами поздней зари.
Ты сиди и кури. Так любить эту жизнь неприлично,
Потому что смешно. В общем, ясно, сиди и кури.
Дорогие мои, я прошу – продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.

Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик,
И глазунья шипит на тяжёлом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты – вечен!
И любить эту землю и этих небес полынью.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затынем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.

* * *

В последнем из странствий
Да будешь ты светел и свят!
Свернулось пространство
В квадраты могильных оград.
Тоску и тревогу
Кузнечик поёт в кулаке.
У вечного Бога
Кончается время в руке.
Не дождь и не ветер –
Дыханье живого огня –
Скажи, и за этим
Пределом – ты любишь меня?
Сквозь мягкую хвою,
Сквозь шорох пугливых ветвей
Все смотришь за мною
С печальной улыбкой твоей?
Сереет дорога.
В тумане теряется путь.
У вечного Бога
Меня подожди хоть чуть-чуть!
Не ради свиданья,
Не ради любовных утех,
А ради молчанья –
Последнего знания на всех.

г. Смоленск

Валентина Ерофеева

* * *

Какая вязь
И музыка какая
В чужих стихах!
Какие переливы,
Созвучные журчанию ручья
И трепетанью ивы
Тончайших пальчиков!

Кто дирижёр сей музыки?
И чья утонченной души
Блеснула партитура?
И, растворив окаменевший плен,
Измяв беззнаковость
И беззаконье звуков
Чужих речей,
Рванулась вверх –
Чистейшая натура, –
Совпав мелодией
Прелюдий и теней
И соучастьем счастья...

* * *

Причудливы восторги пятен
 Спирально вьющихся кругов.
 Их лепет мягок и невнятен,
 Но сетью стянутый улов
 Богат. Насыщен чрезвычайно
 Полётом бабочки, шмеля
 Смятеньем круговым. И тайна
 Руки, вписавшей вензеля
 Их траекторий, вглубь проросших
 Вселенной, и объятий душ,
 Пленённых и неосторожных,
 Слетевшихся на нежный туш
 Их вариаций, – столь глубинна
 И кружит голову века.
 Благая... И спиралевидна ...
 И высока – сквозь облака.
 И ускользяще обидна.
 И возбуждающе близка.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Нет, больше никогда
 Шагами быстрыми не подойти
 К светящемуся издали окну –
 Оно безжизненно.
 Воображенье,
 Устало сжавшись, отступает,
 И тёмное пространство
 Терзает зазвеневший
 И страхом обронённый ключ.
 И звук тягуч
 И не хранитель таинства паденья,
 Лишь тягостное возбудит смятенье
 И всколыхнёт забытое волненье –
 Надежды затаённый луч.

* * *

Откуда это? Из каких
 Запасов тайн, полупризнаний
 Ты проявился и затих,
 Страшась очерченности знаний
 В границах, заданных судьбой?

И полу-ветер, полу-всплеск,
 Тончайший штрих, нежнейший блеск
 Соединяют нас с тобой,
 Мой милый демон, ангел мой ...

* * *

Несуетная тишь, невиданная гладь,
 Быть может, даже Божья благодать
 Намоленного домика вдруг снизошли ко мне,
 И тени мягкие колышутся в окне,
 Чтоб тайной росчерка улечься на ковёр
 И воскресить забытое с тех пор,
 Как помню я себя.
 А время, ненавидя и любя,
 Раскручивает звёздную спираль,
 Но не уходит по привычке вдаль
 По проторённо Млечному Пути,
 А медлит, медлит – не спешит уйти.
 И зависает вдруг над головой,
 Стирая грань меж счастьем и бедой,
 Ушедшим и стремящимся ко мне,
 Дождём скользящим шелестит в окне,
 Врачуя искажения души, –
 Пред вечностью блаженной не спешит.

г. Москва

Валентина Ефимовская

ВЫБОР

Когда входили в бухту крейсера,
Когда отец легко сбежал по трапу,
Мое взмывало детское «Ура!»,
Цепляя коршуна за бронзовую лапу
На обелиске в честь погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
«Вальс севастопольский» я пела всех слышней,
Я подпевала морякам «Варяга»
От мамы знала, помнящей войну, –
Нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
Кто возвратит России Севастополь!

2005 г.

ПОМОГИ

... русский, русскому помоги...

Скульптор В.М. Клыков

Жить в России – какое счастье!
Что ж не вижу вокруг ни зги?
Валит с ног круговерть напастей.
«Русский, русскому помоги»!
С той мольбою, что со свечою,
в сердцеvine стою пурги.
Пусть душе моей горячо – я
«русский, русскому помоги», –
продолжаю твердить упрямо...
Наказаньем грозят враги.
Мне всегда говорила мама:
«не отказывай, помоги».
Вторят прошлые поколения.
Перед ними у нас долги.
В силе ты или на коленях –
«русский, всякому помоги»!

ДОМ С АНГЕЛОМ

С мамою и я жила в блокаде...
Кто сказал, что не было меня,
Если жизнь в блокадном Ленинграде
С первого запомнила я дня.

Были клёны небывало алы,
В худобе болезной тополь наг,
И Петра десница простирала
Предостереженья явный знак.

Зла не ждали голуби и розы,
Золотом переливалась тень.
В городе бомбёжки и морозы
Грянули в один и тот же день.

Замело, завьюжило, завыло.
Помню, как Неву теснили льды.
Вкуса не забуду до могилы –
Невской замерзающей воды.

Той воды, которую в бидоне
Матушка моя с трудом несла.
Ангел на её старинном доме
Каменно простёр свои крыла:

На неё, ещё девочку, глядя,
Ей безмолвно прочил райский свет...
До рожденья в мирном Ленинграде
Я жила в аду блокадных лет.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Пахнет срубленную елью
Капелька смолы,
Лёгок Чистый понедельник.
Мытые полы,
Напоён печалью сладкой
Вешний ветерок,
Рядом с «постною» лампадкой
Тонкий образок,
Сушек маковых колечки,
Скромные столы,
Под нетопленую печкой
Горсточка золы –
Чтоб от «масляной» – ни крошки:
Правильный зачин,
А в раскрытые окошки –
Благовест-помин.
Семь седмиц преодоления –
Искупления срок.
Светлый праздник Воскресенья –
Ведомый итог.

г. Санкт-Петербург

Максим Замшев

* * *

Торопливые крики вагонов
Распростились со мной навсегда.
Не по мне отбиванье поклонов!
Я не твой, Золотая Орда!
Позади объяснения в прозе,
О которых не спросишь теперь.
Хорошо вспоминать на морозе
Одиночество русских степей.
И, разрушив последние связи,
Веселиться у всех на виду.
А потом с не смирившимся князем
Уходить по непрочному льду.

* * *

Сколько можно не спать? Сколько можно придумывать страсти
О больших кораблях, что плывут без руля и ветрил?
Что-то давит в груди. Видно, там раскололось на части
То волшебное блюдо, откуда я молодость пил.

От болезни такой ни один эскулап не излечит,
 Не придуман рецепт, чтоб рассеять сердечную тьму.
 Сколько можно не спать? Сколько можно настраивать речи
 На неведомый лад, что понятен тебе одному?

Расскажи лучше всем про парад, где горластые трубы
 Надрывались о том, что в империи зреет беда,
 И как ветер упрямо ворочал афишные тумбы,
 Собираясь прошедшую жизнь отменить навсегда.

Сколько можно не спать, фонарей принимая желтуху
 За последнюю милость последних написанных глав,
 Сколько можно часы прижимать настороженно к уху,
 Ожидая, что время рассудит, кто прав и не прав.

Пусть одно и осталось в тебе – это кровь удалая ...
 Ты смотрел в темноту – и до первого солнца ослеп.
 Сколько можно бояться зеркал, отражений и лая
 Одичавших собак, что луну принимают за хлеб.

Если в слове любовь пропустили вторую кавычку,
 Значит, жизнь, драгоценная жизнь, сократилась на треть.
 А рассвет, опоздав, подтверждает дурную привычку
 Разгораться, когда невозможно его рассмотреть.

* * *

Не верь, не бойся, не проси,
 Не обольщайся.
 Мужчинам на Святой Руси
 Не нужно счастья.
 Не нужен хлеб, не нужен квас
 И соль рассвета.
 Ни мне, ни каждому из нас
 Не нужно это.
 Была бы кожа у земли
 Под утро влажной.
 Была бы женщина вдали,
 Что ждёт отважно.

А горизонта полоса –
 В разрывах ранних.
 Нет уходящим в небеса
 Конца и края,
 Как нет спустившимся с небес
 Успокоенья.
 Мой профиль в облаке исчез
 В одно мгновенье.
 Мой взгляд отправился в зенит
 За новым солнцем.
 Мой голос врезался в гранит
 Звезды спасённой.
 Дробится эхом долгий плач,
 И гости едут.
 Меня от поражения спрячь,
 Как от победы.
 Не верь, не бойся, не проси,
 Себя слагая.
 Мужчины на Святой Руси
 Мосты сжигают.
 От первой до второй беды
 Спешим по минам.
 И кто ещё, как не дрозды,
 Споют псалмы нам.
 И кто ещё, как не орлы,
 Расскажут вдовам
 И поминальные столы
 Накроют вдоволь.
 В меня впиваются клыки
 Миров соседних,
 Скользить по линиям тоски
 Легко последним.
 И сколько ты не голоси,
 Всё слижут осы.
 Не верь, не бойся, не проси,
 Не верь, не бойся.

г. Москва

Николай Зиновьев

***

Меня учили: «Люди – братья,
И ты им верь всегда, везде...»
Я вскинул руки для объятия
И оказался... на кресте.

Но я с тех пор об этом «чуде»
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.

***

Лето. Утро. Небо. Солнце.
Ветра нету. Тишина.
В ряске тёмное оконце –
След гуляки-сазана.

Стрекоза то ввысь взовьётся,
То присядет на плечо,
В камышах нырок смеётся.
Ну чего тебе ещё?..

***

Я – наследник любви и печали
Моих предков в аду и в раю.
То не гуси в ночи прокричали –
Предки душу узнали мою.

Леденеет ночная округа,
И хрустит под ногами листва.
Я не вырвусь из этого круга,
Круга вечной любви и родства.

И не полнись, душа моя, страхом.
И ты, сердце, не бойся: «А вдруг?»
Никогда не рассыплется прахом
Этот вечностью замкнутый круг.

***

За рекой звонят к вечерне.
Ставят сетку мужики;
Шнур, натянутый теченьем,
Потопил все поплавки.

У насосной сыч хохочет,
Он нашёл себе приют
Под задвижкой, старый плут.
Где-то женщины поют...
Умирать никто не хочет.

НА ЧЕРДАКЕ

Я дверь, как печальную книгу, открою.
Здесь время уже никуда не спешит.
И сумрак не тает, он, будто иглою,
Лучом из оконца к стропилам пришит.

Вот старая прялка в седой паутине,
Как серая птица, попавшая в сеть,
Вот птицы, которым не петь на картине,
Которой уже никогда не висеть.

Вот тихо коробится жезл керогаза,
Стреляя чешуйками краски, а то
Блестит в полумраке булавкой от глаза
Покойного деда пальто...

ЛЕГЕНДА

А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке –
При внезапном степняцком набеге
Они с кровью скатились с лица.

И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И с тех пор они чёрного цвета.

* * *

Не понимаю, что творится.
Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится...
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?..

г. Кореновск, Краснодарский край

Геннадий Иванов

МОЙ ТРИЛИСТНИК

1

Я люблю деревенские улицы,
Где гуляют заботливо курицы,
Где окошки глядят друг на друга
И всё близко – до речки, до луга.

Как же мне не любить эти улицы,
Как же сердце не заволнуется,
Если знаю я брёвнышки эти
С моего появления на свете.

2

Я люблю побережье поморское,
Хоть оно серовато, неброское,
Но водича по-дружески плещется,
И душа так спокойна, не мечется.

Кандалакша мне ведома с юности.
Ночи белые, сполохи, лунности...
Море Белое плещется, плещется,
И душа тут на месте, не мечется.

3

Я люблю твою силу победную,
Твой, столица, размах и полёт...
Москвичи – за Россию, за Родину,
Москвичи – это тоже народ.

И когда супостаты надменные
Будут биты опять и опять –
Их знамёна на площади Красной
Будут хламом под ноги кидать.

* * *

Из жизни нашей стали исчезать
Слова «присяга», «подвиг», «верность» ...
Мы стали в межеумье зависать.
Какой-то низкой стала современность.

России быть расхлябанной нельзя.
Со всех сторон, со всех границ набег.
Не расслабляйтесь, русские князья, –
В покое не оставят печенег.

Они нам никакие не друзья
И не партнёры – что вы лебезите?
Не расслабляйтесь, русские князья,
И в сердце верность Родине носите.

* * *

Для России открылся Господь в эти годы.
Может быть, потому, что стучится война ...
Перебрали, как водки, мы нашей свободы,
Вопиёт наша совесть и наша вина.

Времена наступают трезветь и собраться.
Времена наступают молиться – и в бой.
Мы для Бога ещё не потеряны, братцы.
Поднимайтесь, рязанский мужик и тверской ...

Впереди будут битвы не олимпийские,
Не потешные будут бои и полки.
Поднимайтесь, уральские люди, сибирские ...
И Поволжье, и казаки ...

И Кавказ, и московские люди, и питерцы,
Поднимайтесь, и Север, и Дальний Восток ...
Мне суровым и грозным грядущее видится.
Наступает безжалостный срок.

* * *

Я не могу без родины моей.
Опять приеду, и опять, и снова.
Есть что-то для меня среди полей –
Как бы весь мир вмещающее *с л о в о*.

А так, посмотришь, ничего и нет –
Пейзаж неброский, бедность и разруха ...
Но есть какой-то изначальный свет
И та земля, что многим стала пухом.

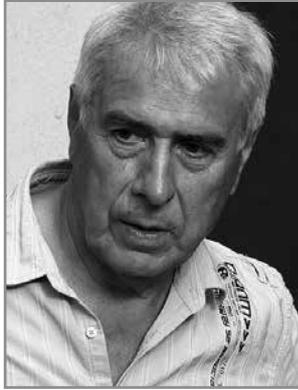
* * *

Как спиной к алтарю не стоят, не сидят,
Так и к морю сидеть можно только лицом.
Это нами забытый древнейший обряд –
Море хочет, чтоб взгляд твой всегда был на нём ...

На волнах, на прибое качается взгляд,
Улетает и тает вдали.
Я как будто бы морем и миром объят –
И в ладонях плывут корабли ...

г. Москва

Геннадий Калашников

* * *

Пока ещё не лёг на снег последний вечер,
пока ещё ледок прихватывает след,
остановись со мной, мой самый первый встречный,
поговорим, – пока и воздух есть, и свет.
Пускай в морозный день восходят наши души,
в извечном их родстве свой обретая путь.
Так говорить легко, легко молчать и слушать,
слова находят плоть и раскрывают суть.
За время, что займёт случайная беседа,
неудовимо день изменит свой узор,
здесь места больше нет, исчезли мы бесследно,
но в воздухе пустом всё длится разговор.

НОЧЛЕГ В ПУТИ

Твержу: забудется, запомнится,
клублюсь чужими голосами,
в слепое зеркало бессонницы
гляжу закрытыми глазами.

В чужом дому – чужие отзвуки,
течёт луна по скатам крыши,
и души всех – живых и отживших
поют, а вот о чём – не слышу.

Ночлег в пути... Я это листывал,
и даже читывал немного –
равнина и река петлистая,
да плюс железная дорога,

и этот хор – живых и умерших,
и тяжкий перестук железа –
состав вконец ополоумевший
вдоль эту полночь перерезал.

Но ясно даже мне – не местному
и не пришедшемуя впору,
что не помеха он чудесному
и впрямь божественному хору...

* * *

Что-то вдруг промелькнёт в суете,
с суетою настойчиво споря,
так ревущий прибой в темноте
говорит об огромности моря.
Отвлечённость больших величин
только малостью можно измерить,
есть ведь тысяча разных причин
и в бессмертье, и в вечность не верить.
В кроне вылеплен ветра полёт,
бесконечное небо подробно,
и прозрачное время течёт
во все стороны шару подобно,
возвращается вспять, дорожит
облаков кучевой кутерьмою,
так и море куда-то спешит
по пятам за самим же собою.
Словно в жилах бегущая кровь

всё гудит и никак не уймётся,
то рассыплется вечность,
то вновь из песчинок и брызг соберётся.
Этот мир и живёт в мелочах,
в пустяках и пустых разговорах,
в соразмерности разных начал,
в равновесье души и простора.
Тяжкий рокот ночной, этот вой
перемен и несчастий предвестье.
А наутро посмотришь – покой,
каждый камешек вроде на месте.

* * *

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мёрзлых полей домотканной холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына.

Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, немного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь прошуршала по колбам стеклянным.

Всё позади – и вокзалы и палубы,
угли костров и остывшие клятвы.
На горизонте леса словно жалобы –
так же протяжны и так же невняты.

В общем, ни прибывало жизни, ни убывало,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

г. Москва

Диана Кан

* * *

Когда я из глубинной дали
Клянущая тебя, моя Москва,
Услышь в лирическом запале
Произнесённые слова.

Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглошшая от грая,
Меня на рубеже веков.

Сорвётся стайей соколиной,
По ходу выстроившись в стих,
Призыв о доблести былинной
С воспламенённых уст моих.

Не стон, не всхлип и не рыданье.
Не о пощаде жалкий торг,
А из-под сердца восклицанье:
«Я русская! Какой восторг!»

* * *

Бесновато хохотнула юность.
 Виновато прослезилась старость.
 Я на ровном месте поскользнулась...
 Кто-то тявкнул в спину: «Долеталась!»

Пошатнулась, но не повалилась
 От злословья шалого шакала.
 И земле родимой поклонилась,
 Что меня, дурёху, приласкала.

Испокон шакал на пададь падок.
 Поднимает вой по падшей плоти.
 Но сквозная боль между лопаток
 Говорит, что я ещё в полёте.

Отболела юношеской спесью.
 Не виню сочувственную старость.
 Трудная привычка к равновесью –
 Всё-то, до чего я долеталась.

* * *

Переодеваюсь впопыхах
 В штопаное штапельное платье...
 Южный город на семи ветрах,
 Принимай меня в свои объятия!

Чтобы ты узнал меня верней,
 Я оделась по старинной моде
 Триумфальной юности моей,
 Что хранится в стареньком комодке.

Но, как нищий в худшее из зол,
 Нечленораздельное канюча,
 Мёртвой хваткой вцепишься в подол
 Яростной верблюжьей колючкой.

Почему ж ты некогда отверг
 Всё, что в нашей молодости было,
 Где братались русский и узбек,
 Отворяя голубые жилы?..

Мне шептавший о своей любви,
 Ты ли это – статный и везучий?..
 Поросли оазисы твои
 Цепкой пограничною колючкой.

* * *

Он пел: «Мы наш, мы новый мир построим!...»
 А после хмуρο обращался к нам:
 «Такие песни надо слушать стоя,
 При этом руки вытянув по швам!...»

Тарачили лазоревые глазки
 Внучата, подступавшие к нему:
 «Мы встали, дед! Рассказывай нам сказки
 Про эс-эс-эр – великую страну...»

И восставала Фениксом из пепла
 В рассказах деда – навсегда вольна! –
 Летела в космос, побеждала, крепла
 СССР – великая страна.

Омытая священным стягом алым,
 Вставала краше прежнего она.
 И – корчилась по кухням и подвалам
 Бесовья диссидентская шпана.

Старуха, что слыла простой и кроткой,
 Вдруг становилась строже и стройней.
 И так гремела старой сковородкой,
 Что все боялись подступить к ней.

г. Оренбург

Ярослав Кауров

* * *

Я живу, пропитан светом,
Соткан нитями его,
Вместе с лучшей на планете
Верой, речкой и травой.

За Бориса и за Глеба
Молят хвойные леса,
И доступные, как небо,
Восхищают чудеса.

Солнце, нежность – всё бесплатно.
Юность мира всё видней.
Ужасает невозвратность
Даже самых лучших дней.

Но бессмертно созиданье
И в мечтах и наяву.
И одно всего желанье:
Лечь в российскую траву.

Счастливы верности и силе,
Счастливы, что ещё живой,
Счастливы всё отдать России,
Лечь в траву и стать травой.

* * *

На ком пред нами есть вина,
Мы всё и всем уже простили.
Всё ладно, только не война
И не опричники в России.

Покоя бы для поселян,
Жить поскромнее да потише,
И каждый будет сыт и пьян,
И будет море ребятишек.

Всего хватает на Руси,
Пусть наша жизнь порой убога.
Убогим нечего просить,
Они давно уже у Бога.

ДУША РОССИИ

Чистоструйные речки мерцают.
Поваляться в них манят дуга.
Голубая, родная, святая
Больше жизни ты мне дорога!

И люблю я тебя и жалею.
Кто ты? Нет, ты не только земля!
От тебя мои мысли светлеют,
Сердца стук твоего разделя.

Вот качнётся покорная ветка,
Птичьё пение ветер донёс.
А от радости плачем мы редко,
Нет у нас за душой этих слёз.

Нужно прежнюю вспомнить отраду
Чистых чувств, чей узор позабыт,
И безумную выплакать радость,
Захлебнувшись от счастья навзрыд!

* * *

Сократ в потёртом плащике,
Оратор всех пивных,
Для слуг и для приказчиков,
Здоровых и больных.

Ведёт беседы долгие
Про совесть и про стыд.
И низко небо волглое,
И дождик моросит.

А он о справедливости,
О чести, о судьбе.
Какие Божьи милости
Ещё нужны тебе?

Сквозь пламя путь прочерченный
Пройти я буду рад –
Мне другом стал доверчивый
Подвыпивший Сократ.

г. Нижний Новгород

Виктор Кирюшин

* * *

Какая долгая зима!
Луны лучина...
Давно я понял:
Свет и тьма
Неразлучимы.

Не зря струится белый снег
Из мглы кромешной,
Когда бредёт,
Не видя вех,
В метели пеший.

Да я и сам блуждал в ночи,
Ведомый роком,
Пока не вымолил свечи
В окне далёком.

Среди бесчисленных огней
Живётся проще,
А я с тех пор иду за ней
Почти на ощупь.

Дорога к истине крива,
 Черно над нею...
 Свеча горит едва-едва,
 Но с ней виднее.

* * *

Андрею Шацкову

Вот пришли и наши стужи,
 Настоящие, без фальши.
 Начинаем видеть хуже,
 Но зато намного дальше.

Жили весело и бражно,
 А теперь живём построже.
 Всё грядущее – неважно,
 Всё ушедшее – дороже.

Указателям не веря,
 К поднебесной светлой роще
 По тропе ловца и зверя
 Пробираемся на ощупь.

Между суетным и главным,
 В тупиках земного быта
 Предпочли мы знакам явным
 То, что призрачно и скрыто.

Нас несправедно судили,
 Но в безумном этом ралли
 Только те и победили,
 Кто вчистую проиграли.

Всё грядущее – химера,
 Всё ушедшее – полова...
 Нам одна осталась вера
 И одна надежда – Слово.

* * *

Эта музыка в тиши
 С лёгкой примесью печали...
 Есть у каждого вначале
 Абсолютный слух души.
 Если б заново начать!
 В пору ясных гроз и пуха
 Недоступное для слуха
 Научиться различать.
 И совсем не знать пока
 Мастерства иного толка:
 Всё уверенней рука,
 Всё неискренней трактовка.

* * *

Рябины стынущий рубин
 Под вьюгой нервною...
 Я эту женщину любил.
 Любил, наверное.
 Своим теплом отогревал
 В беде без робости,
 И целовал,
 И предавал
 У самой пропасти.
 У той немислимой черты,
 Во тьме скрываеваемой,
 Нерасторжимостью четы
 Одолеваемой.
 Я эту женщину любил.
 Любил, наверное.
 Недаром ангел вострубил
 В конце над скверною.
 Душа, остывшая до дна,
 Прими отмщение!
 Но казнь всегда была одна –
 Её прощение.

г. Москва

Виктор Коврижных

У ДЕРЕВНИ МОЕЙ...

У деревни моей голубые глаза,
петухами расшитый рассвет.
Там большая дорога спешит на вокзал,
а тропинка бредёт в сельсовет.

У деревни моей – огороды, сады
и немалое стадо коров,
кур полно в лопухах, а в колодцах воды,
только нету своих пастухов.

Ей иметь пастухов – нынче уж не резон...
Не престижная должность, увы...
Скот – цыгане пасут, и берут за сезон
по семь сотен рублей с головы.

Деревенька моя на дорогу глядит...
Перечтёт телеграммки родных...
У деревни моей чай разлит на двоих,
хотя стол на десяток накрыт.

У деревни моей молодые слова
вянут, словно полынь на корню...
Та деревня моя, как при муже вдова!..
Я не вас... Я себя в том виню...

ПОСЛЕГРОЗЫ

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
глухой стеной стоящая крапива.

Закопились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железно.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

ВСПАШКА ЗЯБИ. ЗАКАТ

По жнивью борозда, как стрела на пределе
в натянутом луке долины.
Прольются глаза в направление цели,
откликнется клёкот былинный.

Как будто уже за холмами крадётся
ордынская дикая воля!
И гарью запахнет, и кровью нальётся
закат над простуженным полем...

Озябнет душа от предчувствия встречи
с тревогой полей куликовых ...
И сумрак вечерний ложится на плечи
печалью досель незнакомой.

И лишь самолет, как глагол перспективы,
строкой обозначив приметы,
летит из заката стрелой реактивной
до самого сердца рассвета.

* * *

На дне седого дня – газетный снег...
По расписанию автобусы и зимы.
Чтоб вычислить светил разумный бег –
достаточно тропы до магазина.

Предугадать высокий вещей свет
не мудрено в глуши и во столицах.
Тропе уже почти две тыщи лет
и никогда не поздно возвратиться

в народ, за горьким хлебом в холода...
Жизнь – оттиск реформаторского неба.
И если Он с небес сойдёт сюда,
то молча встанет в очередь за хлебом,

где жизнь вросла корнями – не содрать! –
в текучку дней, традиции, приметы,
что проще землю заново создать
по чертежам библейского Завета...

А снег летит с газетного листа,
и жизнь течёт по руслу объяснимо.
И ощущать присутствие Христа
полезней, чем Его увидеть зримо.

п. Старобачаты, Кемеровская область

Наталья Кожевникова

* * *

Моя память, как малый ребёнок, капризна –
По ночам тяжела, горяча и нема ...
За околицей ветер взывает: «Отчизна!» –
И во мгле проступают на миг имена
Обезглавленных храмов и башен тюремных,
Адских станций с урановой плотью внутри...
Одинокая! Ради живущих и бранных
Потерпи и солёные слёзы утри.
У погоста снега завизжат в буераке.
Я ли долго сидела там, мать схороня?
А душа её тихо стояла во мраке,
Трепеща и, как прежде, жалея меня.
Или бабочки в окна впорхнут удивлённо,
И закружат вокруг, осыпая пыльцу.
И я вспомню, как ты прикасался влюблённо
К моему под луной голубому лицу.
Моя память, ты – узник, желающий воли.
Беспощадна – как цепкие когти волчат
На дороге, упавшей в зелёное поле,
Где по-русски отчаянно птицы кричат.

* * *

Мой духовный отец белокож и кудряв.
 Божья Матерь посмотрит со скорбной улыбкой,
 Как смиренной косынкою волосы смяв,
 Я целую оклад в полусумраке зыбком.
 Небо грезит рассветом, и тает свеча.
 Где таится спасенье – в борьбе иль в смиренье?
 До сих пор не приемлет земля палача,
 Верен старому слух и немеркнуще зренье.
 Вспыхнет золотом вечное в небо окно.
 Станет тесно и шумно на паперти узкой.
 Что забыто и брошено в пропасть давно?
 Что воскреснет и вырастет в памяти русской?
 То ли плач и мольба, то ли яростный крик
 Вознесётся к весеннему птичьему гаму?
 И смеется, и плачет поддатый мужик,
 Не нашедший дороги ни к дому, ни к храму.

* * *

Саше

С ветки слетел богомол и притих:
 Богу ли молится, солнышка просит?
 Ворох монеток своих золотых
 Бросила в ноги нам сонная осень.

Роща прозрачна, и русский простор
 Робкую душу сегодня тревожит.
 Стая ворон обогнёт косогор,
 В небо вращёт и вернуться не сможет.

Только для тех, кого жизнь не страшит,
 Поле пустое, в потёмках жилище.
 Морок, огонь ли вдруг всё сокрушит –
 Им возвращаться на то пепелище.

Утром скрести по сусекам, латать
 Конную упряжь и солнцу вдогонку
 В пашню зерно золотое кидать,
 Песню придумать под стая жаворонку.

Знай же – загадочность русской души
 Лишь иноземцу лихому морока.
 Пришлому тайну раскрыть не спеши –
 Как на просторе она одинока...

* * *

Зелёное в листьях всё реже, всё больше румянца
 У зыбких осин на высоком протяжном ветру.
 И рельсы накатаны зло до весёлого глянца.
 И красным мигает последний вагон на миру.

Мгновенье – и кажется, канет со мною в безвестность,
 В космический сумрак, в блаженный заоблачный рай
 И эта пустая, ничейная до смерти, местность,
 И птиц обезумевших долгий и горестный грай.

Разорвано время на *до* и на *после* победы
 Зловещей Звезды над великой и вечной рекой.
 Легко и не жутко принять мне последние беды –
 Мой ангел-хранитель давно улетел на покой.

Из пропасти тянет удушливым запахом серы,
 Разъята душа и пронизана скорбью юдоль.
 Но ради блаженного мига надежды и веры
 Терплю и лелею, как милость, мне данную боль.

г. Оренбург

Надежда Кондакова

ПОСЛЕДНЕЕ МОРЕ

Ни слова о том, что будет потом,
ни слова об этом, мой друг, –
в последнем огне, в огне золотом
последнее море вокруг.

Мы завтра покинем сии берега –
о, дольше, огонь, погори,
о том, что ни друга вокруг, ни врага,
ты нам говори, говори...

И слепо и глухо, и просто немой
ответчик и он же истец.
Но завтра и мы соберёмся домой,
отсрочь это завтра, Отец!

О, дай наглядеться, наплакаться, на-
смеяться в пейзаже грудном...
Есть сто пунктуаций во все времена,
а паузы нет ни в одном.

Но именно в паузах жизнь и горчит,
но именно в паузах встреч,
как море, последнее море, звучит
нечленораздельная речь.

* * *

Оглушило и ошарашило:
не обозналось ли? –
счастье покроя страшного,
с неба и до земли.
Как же нам это вынести,
в памяти теребя
прошлое, чтоб не вырасти
больше самих себя?
Ведь не на вырост дадено
и не на окорот.
Счастье, а не украдено,
даже наоборот!
Горя нам было мало ли –
жалиться да тужить?
Нас оно не ломало ли
и не мешало жить?
А вот теперь – на паперти
у счастья на поводу,
словно на белой скатерти
или на тонком льду.

ЗА'ЕДНО*

На Балканах бездонная ночь,
осторожна, чиста, нелюдима.
И уже никому не помочь,
кто не заедно, не заедино.
В эти ночи рождается страх
одиночества – чёрная льдина.
Плачет птица и дождик в горах,
что не заедно, не заедино.

* За'едно (болг.) – вместе.

...Мы такие прошли колени
и такие проехали страсти,
что дрожащие губы твои
лишь касаются молча запястья...

* * *

Что с нами, милый?! Мне все чаще
идёт на ум:
так виноград последний слаще –
почти изюм.

Так на прошедшие мытарства,
каменьев град,
отдав полжизни и полцарства,
уже глядят.

Так не зовут уже, не ищут
земных утех,
а молча ждут на пепелище,
чтоб выпал снег.

Всё так... Но если ночью каждой –
о, исполать! –
то умирать дано от жажды,
то вновь пылать?

И если это не расплата
и вход в пике,
а просто нежностью прижата
щека к щеке?!

...Знать, на осеннем одиноком
уже пути
Господь обвёл нас дольным оком
и – дал пройти.

п. Переделкино-Болгария

Владимир Костров

* * *

Защити, приснодева Мария!
Укажи мне дорогу, звезда!
Я распятое имя «Россия»
Не любил ещё так никогда.

На равнине пригорки горбами,
Перелески, ручьи, соловьи.
Хочешь, я отогрею губами
Изъязвлённые ноги твои.

На дорогах сплошные заторы,
Скарабей, воробей, муравей.
Словно Шейлок, пришли кредиторы
За трепещущей плотью твоей.

Оставляют последние силы,
Ничего не видать впереди,
Но распятое имя «Россия»,
Как набат, отдаётся в груди.

* * *

Что может знать чужак
о полной русской воле?
Судить или рядить
об этом не дано.
Пора идти гулять:
сегодня ветер в поле,
и дождь стучит в окно.
Безлюдно и темно.

Тут сам не разберёшь,
как можно жить иначе.
Зачем тебе любовь
пространства дорога?
Далёким куликом
о чём болота плачут?
О чём шумит тайга?
О чём поют снега?

Здесь просто и легко
остаться неизвестным,
любить сквозящий свет
и вяжущую тьму.
И разум не смущать
вопросом неуместным:
зачем и почему?
Затем и потому!

* * *

Мне и прошлое дело второе,
И о будущем я не грущу.
На веранду я двери открою,
В сумрак утренний солнце впущу.
Электронно-проточенный растр.
Выхожу я во дворик астральный
К стайке ветром разбуженных астр.

Вновь себя ощущаю младенцем,
Подкормившим синиц у стрехи,
И умывшись, утрусь полотенцем,
На котором поют петухи.

* * *

Ну, наконец жара решила кончиться,
Давящая, сводящая с ума.
Как белый гусь на лапах перепончатых,
Скользит по льду пушистая зима.
И в городе вдруг стало, как за городом,
И торфяная кончилась шуга,
Как будто бы я вызвал помощь скорую,
И в дворик наш приехала пурга.
И прописала грусть из сердца вывинтить,
И обувь подходящую обувь.
Свою тоску морозным ветром выветрить,
И лёгкие забитые продуть.
И выдыхать букетом бело-розовым,
И верить в предстоящую судьбу,
И подмести бы веником березовым
Страну, как деревенскую избу.

* * *

Мы выходим под звёзды Вселенной,
К стайке белых берёз у крыльца.
В них свистеть до седьмого колена
Соловей обучает скворца.
Ты была и осталась красивой –
Не тускнеет волос серебро.
С молодой томящею силою
Снова бес мне стучится в ребро.
Бродит по небу месяц бедовый,
Редкой гучки дымится смольё.
И на спинке скамейки садовой
Финкой вырежу сердце своё.

п. Переделкино

Геннадий Красников

* * *

Такая убываемая,
как свет в окне,
о жизнь забываемая, –
тревожно мне ...

То лед, то жар в груди моей,
от них – беда,
пути неисповедимые
ведут – куда?..

Что точно гарантируется
в последний час –
душа катапультируется
одна, без нас ...

Невиданная, неведанная,
одна, тайком, –
узнать бы только – в небе она
грустит, о ком?..

* * *

Тайновидцы времён говорят:
«Семь громов в небесах прогремят
пред кончиною мира ...»
А покуда молчат небеса,
на земле что ни день – чудеса,
будто Кормчий оставил кормило!

Всё смешалось под небом седым –
Крым и Рым, Вавилон и Нарым –
от Москвы до Аляски,
и покудова Землю штормит,
в каждом доме музыка гремит,
всюду песни и пляски!..

Всё смешалось – огонь и потоп,
лёд и пламя, молитва и трёп,
гордый Запад с Востоком,
и пока созревают грома,
человечество сходит с ума
со звериным восторгом.

Всё смешалось – Аллах и пластид,
кровь и слёзы, сердца и гранит,
но не плач и не ропот
пред кончиною стран и племён –
Громовержец, Владыка времён,
слышит дьявольский хохот.

* * *

Знающим откроется и думающим,
знание незнающих спасёт, –
прошлое когда-то было будущим
и о будущем ему известно всё.

Знающего мучает и думающего:
на часах Земли – который час?
Много ли ещё осталось будущего,
не исчерпан ли его запас?

И зачем– пока мы тупо тренькаем
на одной струне который век –
Моцарту заказывает Реквием
черный человек?

* * *

А ты боялась, что зима
забудится и нас забудет,
не проберётся к нам в дома,
не выстудит и не остудит...

На пушкинском календаре
такое, видно, тоже было –
«Снег выпал только в январе...» –
конечно же, ты не забыла.

Когда-нибудь припомним мы,
как под Москвой, когда-то, где-то, –
просили у зимы взаймы
до лета серебра и света...

Как снег посыпал с высоты,
и он не рвался там, где тонко,
как шла в зелёной шубе ты,
похожая на медвежонка...

Как снег дымился и плясал,
и вспомнил я в его тумане,
как Соколов стихи читал
о снеге и о Марианне...

Как замедляли мы ходьбу,
в неведомую даль ступая,
как бы по Браилю Судьбу
по снежной азбуке читая...

г. Москва

Марина Кудимова

* * *

Разверзается зимний Никола,
До верхушек снегами достав,
И баржу мою гонит с прикола,
И ломает она ледостав.

Я судьбы пробегаю аллею.
Я почти ничего не боюсь.
Я ни капли тебя не жалею
И с душой твоей не расстанюсь.

Ты собою края зашиваешь
Предназначенной мне полыньи.
Ты в успех мою жизнь проживаешь,
Превосходишь страдания мои.

Я такой не отвергну заступы!
И, пока меня клонит ко сну,
У любви нашей режутся зубы
И твою разрывают десну.

* * *

Никаких не вчиним неподобств –
 Ослушанья, кощунства, побега.
 Так больной отрицает погост
 При наличьи иного ночлега.

Что даётся, то дадено впрок
 За родное, за буднее иго.
 Ты – издание, где всё между строк,
 Ты – моя Голубиная книга.

Не унизились мы до обид
 На всеобщие узаконенья.
 Просто сердце зашлось – и стоит,
 И ему не найти примененья.

* * *

Я – здоровая, даже живая –
 Хлопну створом последних дверей –
 И как будто уже забываю
 Твой египетский вырез ноздрей.

И уже тяготееет нормальность,
 Сочетает с вопросом ответ.
 Наступает иная реальность –
 Выступает углами конверт.

Или время тебя затеняет,
 Заливает, как ссадину йод,
 Или Бог меня так сохраняет,
 Что и снов о тебе не даёт.

* * *

Только будущий, сведущий знает
 Острогранный разлом бытия –
 Дом, в котором тебя проклинаят,
 Дом, в котором возносят тебя.

Адрес есть у Бедлама, Содома,
 У родства – ни казны, ни цены,
 И усилия первого дома
 Безусильно на нет сведены.

Даже в теплоте града Петрова,
 Чьей любви заслужить не дано,
 Откровение дома второго
 Нерушимо и соблюдено.

(А казалось, не смывать и геенне
 Кровопуск обоюдной борьбы!)
 На сращенье обоих строений
 Нам, увы, не хватает судьбы.

В это зодчество и созиданье
 Столько вложено – не передать!
 Потому-то на наше свиданье
 Мы уже не вольны опоздать.

* * *

Осени хотелось – не воды,
 Утренником тронутой, не ранней.
 На листе, как на стекле, следы
 Твоего и моего дыханья.

Памяти хотелось.
 Не стремглав, –
 Обстоятельств мимики и речи...
 Лица застилающая мгла,
 И платок, брошенный на плечи.

Смелости хотелось – не бравад,
 Ради правды, по которой мёрзла...
 Крупка снега на твоих бровях,
 Поднятых, как при отплытии вёсла.

г. Москва

Станислав Куняев

* * *

Кто там шумит: гражданские права?
 Кто ратует за всякие свободы?
 Ведь сказано – «слова, слова, слова» ...
 Ах, мне бы ваши жалкие заботы!

Ах, мне бы ваш ребяческий восторг,
 хмель интервью, газетная арена!
 Но я гляжу на Запад и Восток
 не очерёдно, а одновременно.

Я не поборник иллюзорных прав.
 А если кто увидит в этом рабство,
 я отшучусь, что вёл себя, как граф,
 не признающий равенства и братства.

Что говорю как гражданин страны,
 которой нет начала и предела,
 где все мы одинаково равны
 пред ликом Данта и строфой Гомера.

* * *

Как посветлела к осени вода,
 как потемнела к осени природа!
 В моё лицо дохнули холода,
 и снегом потянуло с небосвода.
 Мои края, знакомые насквозь:
 пустынный берег, подзавалье, речка ...
 Так кто же я – хозяин или гость?
 И что у нас – прощанье или встреча?
 От холода я задремал в стогу,
 как зверь, готовый погрузиться в спячку,
 проснулся, закурил на берегу,
 и бросил в воду скомканную пачку,
 и не решил, что ближе и родней –
 вчерашний шум березы отшумевшей
 или просторы прибранных полей
 и тусклый блеск травы заиндевевшей.
 И, затаившись горестным дымком,
 спасая тело от осенней дрожи,
 я вдаль глядел и думал об одном:
 чем ближе ночь, тем родина дороже

* * *

Опять разгулялись витии –
 шумит мировая орда:
 Россия! Россию! России!..
 Но где же вы были, когда
 от Вены и до Амстердама,
 Европу, как тряпку, кроя,
 дивизии Гудериана
 утюжили ваши поля?
 Так что ж – всё прошло-пролетело,
 всё шумным быльём поросло,
 и слава, и доброе дело,
 и кровь, и всемирное зло?
 Нет, все-таки взглянем сквозь годы
 без ярости и без прикрас:

прекрасные ваши «свободы» –
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

КАРА XII

А всё-таки нация чтит короля –
безумца, распутника, авантюриста,
за то, что во имя бесцельного риска
он вышел к Полтаве, тщеславьем горя.

За то, что он жизнь понимал, как игру,
за то, что он уровень жизни понизил,
за то, что он уровень славы повысил,
как равный, бросая перчатку Петру.

А всё-таки нация чтит короля
за то, что оставил страну разорённой,
за то, что рискуя фамильной короной,
привёл гренадёров в чужие поля.

За то, что цвет нации он положил,
за то, что был в Швеции первою шпагой,
за то, что, весь мир изумляя отвагой,
погиб легкомысленно, так же, как жил.

За то, что для родины он ничего
не сделал, а может быть, и не старался.
За то, что на родине после него
два века никто на войну не собрался.

И уровень славы упал до нуля,
и уровень жизни взлетел до предела...
Разумные люди. У каждого – дело.
И всё-таки нация чтит короля!

г. Москва

Светлана Леонтьева

***

Упал листок стремительно, с разбега,
дождём покрылся, а когда вода
замёрзла льдом, он спрятался под снегом,
его объяли страны, города,
миры, созвездья жадные и воздух,
туман, забвеньё, беспредельный свет.
Красивый мой! Осенний мой! Мой поздний!
Тебе вмерзать всем телом в тьму планет.
Вживаться в образ: в клюве ветвь оливы.
И ждать, когда закончится потоп.
О, нагота язычества, ты – диво!
О, обнажённость веры! Правил свод!
Как много есть путей у бездорожья,
а у дороги есть один лишь путь.
Итак, о листьях. Под горячей кожей
надежда вся, и правда вся, и суть.
Хочу, чтобы меня не забывали!
Ни всуе, в безразличье, в суете.
Штрихи, шаги, цветные кисти шали...
Вмерзаю в землю я, как листья те.

И улицы – летающие звери,
 две капли – отражённые в другой.
 Столп соляной. Я оглянусь у двери
 не для того, чтобы сказать: «Закрой!».
 Я так уйду, что и не сдвинусь с места.
 Так засмеюсь, что слёзы в три ручья.
 Как тот абзац, где смысл в пружине текста,
 настолько ваша,
 что уже – ничья...

* * *

Ни слов, ни слёз не удержать. Мы – все изгнанники из рая.
 О, город Горький, исполать тебе. Ты – твердь земная!
 Ты тот, кто принимает всех, нестрогих, странных, согрешивших.
 Грех первородный – тоже грех! В затылок дождь, как ангел, дышит.
 Дождь этот воздух искромсал, колючий – плавники и жабры,
 тела он наши обтесал до белизны, до грёз, до свадьбы.
 Там ходят мельниц жернова из вспаханной веками речи,
 объединяются в слова заветы, образы, предтечи.
 Там воды пенятся. Каркас трещит по швам. И мысли зреют.
 О, чтоб вы делали без нас – цветы, деревья, птицы, звери?
 Коль мы остались бы в раю? В том детстве, где дубы, берёзы.
 И где не плачут, а поют про небо, солнце, маму, розы.
 Итак, я изгнана. Я здесь, где окна стянуты в квадраты,
 где правда, вымысел – всё песнь. Закрыты двери невозвратно...
 Ангиной можно не болеть, не есть мне яблок из компота.
 Расти, учиться и взрослеть, читать, любить – одна забота.
 И знать, пословица сия жжёт ослепительнее солнца,
 ничто на круги на своя, никто вовеки не вернётся...
 Но город? Чем он виноват? Аллеи, парки, улиц звенья.
 И он – изгнанник, он – штрафбат, он – каменная нота пеня.
 Он отражается в реке. А ржаво-рыжее, льняное
 вращается на сквозняке Фортуны колесо ржаное.
 И город весь объят в слова, объединён в одно наречье,
 так звук, проклюнувшись едва, вращает в слово человечье.
 Я всё смогу, я всё снесу, коль у меня судьба такая.
 Учусь я сдерживать слезу, коль слышу: изгнаны из рая...

* * *

Когда я жила на исходе времён,
 дороги летели с обеих сторон,
 и слева, и справа, на запад, восток,
 и в каждой дороге пульсировал ток.
 И я говорила, как все, налегке
 на этом щемящем своём языке.
 И я понимала и шёпот, и стон,
 когда я жила на исходе времён,
 и там, как всегда, ни имён, ни преград,
 все – порознь, все – врозь, и войска – на парад.
 И башню свою воздвигал Вавилон,
 когда я жила на исходе времён.
 И алые ленты струились в косе,
 и лёгкие песни в жемчужной красе.
 Меня забывали, дела, мол, дела,
 но знайте, друзья, что я вся не ушла!
 А время струилось – в листе перезвон...
 Одним я горжусь: на исходе времён
 осталась в своей восходящей стране –
 Европа, Израиль, Гонконг не по мне!
 Горжусь, говорила строкою к строке
 на этом щемящем своём языке,
 на птичьем – я пела,
 на лиственном – жгла,
 на волчьем я – выла, но с вами была.
 Исходы времён и восходы времён,
 таких, как и я, посчитай, миллион,
 а сколько тропинок, а сколько дорог,
 и в каждой кричит и пульсирует ток!

2. Нижний Новгород

Алла Линёва

* * *

А тёмный лес молчал и думал...
 Скрипела старая сосна...
 И в этом сумраке угрюмом
 Искала просеку луна.
 А в пасти пропасти глубокой,
 Куда тропинка не вела,
 Безумный ветер гнул осоку,
 И волчья ягода цвела...

* * *

Люблю я ночь в деревне русской
 С её прохладной тишиной,
 Со свежим ветром, тропкой узкой,
 С лампадкой – странницей луной.
 Бессонных трав ловлю дыханье
 Сквозь шёпот непокорных крон,
 И робкий свет звезды печальной,
 И вечный приглушённый стон...

БАБУШКЕ ПЕЛАГЕЕ

Угрюмые тучи баюкают солнце,
 И в комнате нашей играют лучи...
 А бабушка Поля не смотрит в оконце,
 А бабушка Поля о чём-то молчит.
 И люлька моя, как бесстрашная лодка,
 Качается плавно в воздушных волнах,
 По мягким, небесным, лазурным протокам
 Несёт меня бабушка в ласковых снах.
 И скрипнет ли досочка под половицей,
 И шумно ль вздохнёт сонный ветер в трубе...
 Всё кажется мне, словно райские птицы,
 И ангелы пели в той старой избе.

* * *

И я была тогда с моим народом...

Анна Ахматова

Под этим тяжким небосводом,
 Где гордо города чадят,
 И я была с моим народом
 В трамваях и в очередах.
 Теснилась, место уступая,
 Теряла, падала, ждала...
 И весело, почти у края,
 Всё пела, пела, как могла...
 Училась сердцем улыбаться,
 Когда стоял под сердцем ком,
 И мудреца, и святотатца
 Старалась я согреть стихом...

* * *

Последние яркие дни,
 Вечернего неба забвение...
 Берёз золотые огни
 На тоненьких ветках осенних.

Души и раздолье, и боль,
И радость за всё, что случилось,
За Богом дарённую милость
И этот неожиданный покой.
За всё, что осталось в тени
Весёлого звонкого лета ...
Последние яркие дни,
Грядущих морозов приметы.

* * *

Всё в мире просто:
Тополь и берёза,
Незримый ветер,
Синь и облака.
Всё в мире просто:
Свадьбы и погосты –
Настолько рядом,
Что дрожит рука.

* * *

Я судьбу свою плету, как венок,
То обиду, то беду – в узелок,
То надежду, то степную траву, –
Всё боюсь, случайно стебли порву.
Чтобы ярче польхал горлицвет,
Искры счастья я вплетаю в букет,
А сплету – и отпущу по реке,
Чтобы долго он светлел вдалеке ...

г. Липецк

Борис Лукин

ТОЛЬКО ВЕСНА

Странное в мире спокойствие. Будто весна
свет не задела своей огнедышащей трелью.
Тихо, привычно трамваев стучат семена,
сыпясь на стыках ...

Но искры в утробе не спеют.
Спеет равнина, клочками срывая снега.
Зреет река, возбужая рыхлистою ледью,
птицей на ветке, чей щебет по капле стекал,
солнцем на взгорке, чей профиль по-мартовски меден.
Мною, тобой и детишками, спящими всласть,
ждушими мира душевного,

лада

телесно-земного.

Кто это выдумал злую такую напасть
не замечать:

по весне

нету

спасенья

иного.

* * *

Почти три года нет тебя... я сплю.
Ты разбуди меня, моя родная.
Я вижу полную луну.
В том мире, где ты спишь, она витает?

Что там ещё? Пусть ангелы шепнут,
Когда я сплю, когда меня ты видишь...
В тот странный миг к нам тени всяки льнут.
Но в радость, ты поверь, одна твоя лишь.

Я принялся б писать о том сонет.
Но нет тебя, и темы тоже нет.
Осталась память. Радость дней. И дети.

Я понимаю. Всё это – во сне.
Но сколько же должно здесь минут лет,
Пока мы этот сон просмотрим вместе.

СОНЕТ 39, ЗЕРКАЛЬНЫЙ

1.

Сонет тридцать девятый из Неруды
мне рассказал, что жить совсем нетрудно.
Он с первых строк моим всецело стал.
Там про тебя, как будто ты – чилийка,
и бронзой кожи с местным схожа людом,
и профиль твой – ацтечки словно лик.

Я путаюсь в народностях и датах,
всё потому, что сердце жжёт утрата,
так землю зной бесплодную творит.
Увы, нет рядом нежных рук твоих.
Когда твоей заботой мир не убран,
не приготовлен расцвести по утру,
не вздыбят вены рек судьбы туман,
не вспомнит сердце жизни аромат...

2.

Но помню я, как вымерзшую розу
теплом ты оживила рук своих,
водой живой и мёртвой напоив,
лучом с небес так солнце сходит просто.
Ты не одна, с тобой твоя семейка:
лопата, тяпка, лейка, дружно все
врачуют грядки, чтобы поскорей
цветущей зреть ожившую земельку.

Горжусь, люблю... мозолей не стесняюсь
я рук твоих... Веселой птичьей стаей,
нет, роем пчёл, вся – льнёшь к душе моей.
И чудо: камень сердца охладевший,
теплом ладоней, словно жаром вешним,
согрет, поёт: что смерти больше нет.

* * *

Колю дрова – зиме навстречу,
Судьбу пытаюсь обмануть.
Забудь меня...
И жаром печным
Ласкай тоскующую грудь.
Всю жизнь терзает и морочит,
Такое требуя порой,
Что впору ставить многоточье,
А обходился – запятой.
И вот, по-хитрому – от печки –
Стерпевшись, продолжаю путь.
Бьёт ангел крыльями о плечи.
И проникает свет во тьму.
В огонь – дрова, в огонь – бумага...
Всё-всё подмогою в трудах...
Пока люблю я это благо –
Земного рая сущий ад.

с. Архангельское, Московская обл.

Наталья Лясковская

* * *

И сошлись однажды наши да враги,
 призывает каждый: «Боже, помоги!»
 Все несут иконы, крестятся пучком,
 все кладут поклоны, падают ничком...
 Магазин заряжен, через грудь калаш,
 наши в камуфляже, вражий камуфляж.
 Если глянуть с неба – как одна семья!
 Что вам: мало хлеба, люди-братовья,
 нету в реках рыбы, зверя нет в лесах,
 овоща в садыбах, солнца в небесах?!
 Не сыскали слова, чтобы мир сберечь –
 чи скінчилась мова, аль иссякла речь?
 Голубые очи, светлые чубы –
 и никто не хочет утром лечь в гробы,
 серые, зелёные, в ранней седине
 словно спелённые в проклятом огне,
 чёрные да карие, волосы как смоль
 всем одно мытарить, всем едина боль.
 Завтра снова битва, затишь недолга.
 Слышится молитва в лагере врага,
 наши в храмах тоже, наших не сломать...
 Вот кому Ты, Боже, будешь помогать?

РУССКАЯ РУХ

Я помню, я помню, как птица взлетела,
 и я среди перьев запряталась телом,
 и было нам с птицей тепло.
 А чуть повернёт она голову влево – давала ей мяса,
 давала ей хлеба,
 слегка опершись на крыло.
 А чуть она вправо – я воду живую ей в клюв заливала,
 свалиться рискуя,
 и птица взмывала опять.
 Скользя меж созвездий, летели мы к цели,
 а вслед нам снаряды и стрелы свистели,
 да было им нас не достать!
 И время летело. Но к тёмному часу закончились силы,
 иссякли припасы
 под метеоритным дождём,
 и птица усталая – ниже и ниже, а враг смертоносный –
 всё ближе и ближе:
 погибнем вот-вот, упадём!
 Я вижу её воспалённые очи,
 сверкнувшие слева в предсердии ночи,
 нож – словно палач во плоти,
 хватать! – шмат от ноги от своей отрезаю
 и в жерло сухое с размаху бросаю:
 ешь, птица, родная, лети.
 Вот справа глядит – я от боли аж вою,
 но кровь направляю горячей струёю
 солёной заменой воде...
 Мне дух вышибает – взорляем над миром,
 и солнце сияет священным потиром
 в предвечном прекрасном нигде!
 Куда мы летим? Ах, не спрашивай, сердце...
 мне б к птице прижаться, зарыться, согреться,
 и только вперёд и вперёд.
 Друг друга спасая, мы снова и снова
 пронзаем пространства пласты и основы,

Глагол

лишь ветер за нами орёт...
Но скоро закончится мясо на теле,
и кровь иссякает, и дух на пределе,
и снизу – миазмы разрух.
А мы всё стремимся с бессмертием слиться...
о, жизнь моя птица, упрямая птица,
не рухни же,
Русская Рух!

* * *

в юродской простоте с улыбкой на губах
вишу я в пустоте сижу я на бобах
то душу подлечу – она и не болит
то к солнцу подлечу – оно и не палит
зимой – земля манит а небо – по весне
но всякий дерзко мнит что знает обо мне
и правду и враньё и вдовие вытьё
и явное житьё и тайное моё
а мне-то – от корней до маковки с птенцом –
самой всегда слышней – за сердцем за лицом
гул пламени стоит от ночи до зари –
так дерево горит бывает изнутри
оно как человек – сквозь нестерпимость мук
хотя б один побег любви пробьётся вдруг –
хотя б один листок окрасит хлорофилл
хотя б один цветок да будет миру мил
прозрения и боль страданье и грехи
всё вздето на глаголь всё брошено в стихи
огонь уж плавит плоть истлел телесный слой
увраж раскрыл Господь –
читатель главный мой

г. Москва

Надежда Мирошниченко

ТРЕТЬЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Да прекратим же мучиться и каяться.
Да соберём же третье ополчение.
А ежели пока не получается,
Страдание – оно без назначения.

Да наберёмся силы у околицы!
Да наглядимся на небо высокое!
А если крылья пёрышками колются,
То значит, мы пока ещё не соколы.

Да нарожаем девочек и мальчиков,
Да переженим по любви, без жалобы.
Да перестанем зариться на малое,
Кабы великое не обветшало бы...

А ежели пока не получается,
Страдание – оно без назначения.
Так прекратим же мучиться и маяться.
Да соберём же третье ополчение.

* * *

Проливается дождь на уже отогретую землю,
 На седые виски, на зелёную кромку дорог.
 Что со мной происходит? Кому я незримою внемлю?
 Почему так наивен и, словно торжественен, слог?
 Почему-почему... Потому что душа осиянна
 Этим ливнем нездешним, пробившим дома и кусты.
 Потому что печаль независима и постоянна.
 Потому что мне выпало жизнь увидеть с высоты.
 Этот мир, где молчат то персты, то кресты, то законы.
 Этот мир, где без хлеба нельзя и нельзя без угла.
 Где кровавы снега и где пашни бесплодны до стона.
 Где державные лики скрывает державная мгла.

Я на небо седьмое пошла, как на бой рукопашный.
 После слёз матерей, после старыми ставших невест.
 Возмечтала найти души павших. И стало мне страшно:
 Столько в небе созвездий, что скоро не хватит небес.
 Не гляди на меня. И никто на меня не глядите.
 А не то я запутаюсь в прошлом. И грош мне цена.
 Этот дождь золотой. Вы ворота ему отворите.
 И взойдут из земли имена... Имена... Имена...
 Пожалейте меня. Я люблю вас, живых, безвозмездно.
 Мне ведь тоже не к спеху сгорать у беды в поводе.
 Этот дождь золотой... Эта памяти чистая бездна...
 Это сердце моё, побывавшее в звёздном аду.

* * *

Ты мне сказок теперь не рассказывай,
 Ну, а я расскажу – не перечь.
 Я такая была синеглазая,
 Только как синеву уберечь?

Расплескалась она по проталинам,
 Разошлась по обрывкам веков.
 А теперь из трубы, как из валенка,
 Дым белит синеву облаков.

Говорили, мол, девка пропащая,
 А, поди ж ты, живёт по уму.
 Я такая была настоящая,
 Что не верили мне потому.

А теперь только чужь белоглазая
 По утрам попадается встречь...
 Ты мне сказки свои не рассказывай.
 Ну, а я расскажу – не перечь.

* * *

Загремело, засверкало,
 Пролилось.
 Ах, какая это жалость:
 Сорвалось!
 Не поймала ни громушки,
 Ни стрелы.
 То-то молнии-вострушки
 Так смелы.

С исступленьем бьют по цели,
 По верхам.
 Стал белее, в самом деле,
 Белый храм.
 А берёзка в юных слёзках
 Замерла.
 Да зато сияют в блёстках
 Купола.

Разутешь меня, гроза,
 Разбереди.
 За рубеж своей границы
 Заведи.
 Погляжу, на что сердилась?
 Кто твой князь?
 Почему, скажи на милость,
 Сорвалась?!

г. Сыктывкар

Юрий Могутин

* * *

Всяк мерит мир на свой аршин,
 Блуждая среди лжи.
 Несть человека, кто, пожив,
 Остался негрешим.

Спаси мя, Бог, уничижи,
 Низринь и подыми,
 Разжалуй в зэки и в бомжи,
 В изгой меж людьми.

Лишь об одном мой слабый глас
 Тревожит Божью высь:
 – Дай силы мне молиться, Спас,
 И Сам во мне молись.

* * *

Меня нашли в чужой капусте,
 Чтоб истолочь и шинковать.
 Бес там вредит, где Бог попустит.
 Одна защита – Божья Мать.

Она хранит мой ямб увечный
 И самого меня хранит,
 Чтобы на станции конечной
 Мой вопль пробился сквозь гранит.

Сквозь глухоту непониманья,
 Сквозь всё, что вы здесь наптели.
 По злобе иль «из состраданья»
 Вы костыли мои сожгли?

Наш век, на злобу урожайный:
 То нож под дых, то пуля в лоб.
 А я остался под Можаем
 С ногами, вмёрзшими в окоп.

Они бесчувственнее жести,
 И, кажется, их вовсе нет.
 Коснёшься ног – они на месте
 И так мозжат с тех страшных лет,

Что хочется кричать от боли.
 Но мне был Глас: – А ты запой!
 И я завыл в своей юдоли
 Гимн Жизни – жалкий и слепой.

* * *

Жизнь дробится на сны и напасти.
 И поди в этой мгле разбери,
 Почему я помилован властью,
 Хоть за мной и следили хмыри.

Знать, и службы подвластны абсурду,
 Если я разминулс с бедой.
 Без меня отправляется в тундру
 Вагонзак, от мороза седой.

Вагонзак, увозивший когда-то
По этапу на зону отца
В царство низких берёзок горбатых
На прокорм воронью и песцам.

Ну, а я, неугодный закону,
Уцелел, может быть, потому,
Что менял города и перроны.
Впрочем, сам не пойму – почему.

Только страх поселился в подкорке
В тридцать страшные те времена.
Видно, брак получился при сборке,
Но ГУЛАГ заслонила война.

Как я выжил, худой недопёсок,
Голодней подзаборного пса,
Средь сексотов, взирающих косо
На последыша зэка-отца?

* * *

Во всех грехах повинный, каюсь.
Бездонно небо, ночь бездонна.
Безмолвствую и сокрушаюсь,
Молюсь, коленопреклонённый
Святому Духу и Отцу:
Будь, Боже, милостив к слепцу!

Владыка Мира, тьмы и света,
В могильный погреб слепоты
Пошли хоть лучик. Нет ответа.
Ишу ощупкой то и это,
Но из разрозненных предметов
Не сложишь зримой красоты.

г. Москва

Александр Нестругин

* * *

Не вспомнят? Может, и не вспомнят...
Нас много. Трудно помнить всех.
Но всё равно слова из комнат,
Слова крылатые из комнат
Не отпустить на волю – грех.

Пусть воробьями липнут к липам,
Зовут родней синичий люд.
И, тая журавлиным кликом,
В глазах заплаканных живут...

* * *

Земля, меня не обходи,
Я стебелька не трону!
Погожий день, бровей не хмурь,
Чтобы меня жалеть.
Я выпал изо всех обойм –
Неходовым патроном,
И был молвой приговорён
Пылиться и ржаветь.

И я лежу в сухой траве,
 Усталый и тяжелый,
 А вдалеке – затворов лязг
 И автоматный крик.
 А где же мне ещё лежать? –
 Я не патрон, я жёлудь!
 И я не брошен, я щекой
 К своей земле приник.
 Летел куда-то – и упал,
 Ударил, но не сильно,
 И молча я шепчу траве
 Последнее «прости».
 Зато в груди свинец не стыл –
 И смерти не носил я,
 Прижмёт меня к себе земля –
 Из смерти прорасти...

* * *

Губы тёмные разлепит
 Почка, слова не сказав, –
 И зелёный тонкий трепет
 Набегает на глаза!

Станешь корнем, станешь веткой,
 Станешь капелью звон копить ...
 Но судьбы хватает редко –
 Так вот губы разлепить.

* * *

Бурьяном лог обмётан серым,
 Буграм оттаявшим темно.
 А дождь – зелёный ветер сеет,
 Согрев за пазухой зерно.

... А первый снег – клянётся летом,
 Что только снилось, не сбылось.
 И лебедей на взлёте лепит
 Из посиневших мокрых лоз...

Всех половодий стёрлись меты,
 А я из строк сбиваю плот ...
 Я перестану быть поэтом –
 Как дождь, как снег перестает.

* * *

Ничего не надо лишнего ...
 Только плащ и только дождь –
 Не приятельства столичные,
 Не засталия галдёж.
 Только жизнь, – и там со сколькими
 Хороводы не води, –
 Лишь – обрыва глина скользкая
 Да – бессмертие в груди.

* * *

Не серебро волны по черни
 Стремнин, а просто: чернь – и знать ...
 Такие вот теперь теченья –
 И берегами не собрать.

И этот смысл полузабытый
 Глубины выстужает в нас.
 И меньше всё воды открытой,
 Не ледяных – стремнинных глаз.

И бьёмся: чем ответить? Тем же,
 Извечным: русской быть рекой!
 И вздыбит лёд – до самой Темзы –
 Лозняк излучины донской.

с. Петропавловка, Воронежская обл.

Александр Паксиваткин

* * *

Ранним утром косячок певучий
Пролетел – и снова даль светла.
Лишь моя печаль ненастной тучей,
Словно в омут, в душу заплыла.

Кто же там идёт без опоздания,
Спелой гроздью обжигая рок?
Со зловещим смыслом увяданья
Осень речки переходит вброд.

Наклонилась к омуту рябина,
Вглядываясь в зеркало глубин...
Не любим я женщиной любимой,
Нелюбимой женщиной любим.

Не скупись, судьба, на долю счастья!
Без него не мил мне белый свет.
Мое счастье не в твоей ли власти?
Может, счастья в жизни вовсе нет?

Тот ли счастлив, кто шуршит деньгами?
Не приманишь гордое к рублям!
И, ковры пиная сапогами,
Я кричу высоким журавлям:

В добрый путь! Счастливых вам инерций.
Через степи, горы и моря!..
Никуда не улетит из сердца
Золотой журавлик сентября.

* * *

Темнота в глазницах окон.
Тишина.
Туман с реки.
Лишь попавший в сетку окунь,
Передёрнул поплавки.

Только конь, почувяв осень,
Звякнул бубном и заржал.
Да рябина на погосте
Одинокий свет зажгла.

Мост, упавший на колени,
По-верблюжьему горбат.
Убежать бы из деревни!
Чем тут хвастать? Не Арбат...

О! В капусте стонут жабы...
О! Шуршит в соломе мышь...
Убежал бы! У-бе-жал бы!
От себя не убежишь.

Млечный путь звезду уронит –
Вздрогну!
Сникну.

Затужу...
И, оставшись на перроне,
Вслед тебе из-под ладони
Я сквозь слёзы погляжу.

* * *

Никогда к потерям не привыкну:
Покидают белый свет друзья...
Вот опять предсмертно кто-то вскрикнул –
Нет, не я... не я ещё... не я...

Но и мой наступит високосень.
Колокольчик отзвенит в груди.
Ах, судьба! Хотя бы лет за восемь
Ты меня о том предупреди.

Чтобы мне не быть кому-то в тягость,
Уплыву за реку на простор,
Разломаю старую корягу,
Разведу под звёздами костер.

Впеленаюсь в дикие туманы,
И навзрыд заплачу у огня.
Знаю я, что в мире, кроме мамы,
Никому нет дела до меня.

А любовь... Она уйдет к другому.
Разлетятся дети по стране.
И, быть может, только цвет черёмух
Просветлит им память обо мне.

Догорай до фильтра, сигарета!
Осушайся кружка в три глотка!..
Жизнь моя, как северное лето,
Как ответ кукушки коротка.

п. Красногвардейский, Свердловская обл.

Виктор Петров

ВОРКУТА

Валерии Салтановой

Зря ль окликнул тебя, Воркута –
Воркованье твоё у плеча...
Так бы век, а не ночь коротать,
Да почти догорела свеча.
Ненасытные губы твои
И задушат и душу сожгут:
Скажешь: «Вены свои отвори»!
Отворю, но вернее бы жгут
Из верёвки вкруг шеи – и вниз!..
Это, чтобы любовь доказать.
А могу и шагнуть на карниз,
И схватиться за лунную статью...
Но усмешка твоя промелькнёт,
Обрывая галимую нить,
Только горлинка, сбитая влёт,
Воркованье желает продлить.
И на лагерь плевать, на тюрьму –
Поцелуем её прикормлю:

Разве скажет она хоть кому,
Сколь дотоле терпел и терплю
Воркутинскую снежную блажь,
Залихватские скаты дорог...
Пуля-дура, теперь не промажь!
Гильза стукнется пусть о сапог.

* * *

Ни крика, ни плача, ни стопа, ни звука,
А их продолжение – тишь, немота.
И даже не воет соседская сука,
Чьих малых детей побросали с моста.

Змеится текучее пламя позёмки,
И сбитая птица летит в буерак.
Душа пропадает, не выдержав ломки:
Я думал – сиянье, а это был мрак.

Последний стакан хлобыстну без остатка
За то, чтобы не окочурился свет!
Длиннее раздумья кирпичная кладка –
Запретная зона: кого только нет...

Я тоже там был, хотя всё-таки не был.
Я знаю такое, что лучше не знать.
И хляби разверзлись, и падало небо,
И время приспело, мой друг, умирать.

Куда ни посмотришь – глаза б не глядели:
Слезится до рези фонарь на ветру.
Дойду к неуступчивой той цитадели
И там на сей раз, может быть, не совру.

А что остаётся, когда не осталось
Уже ничего, что хотел и просил...
Откуда теперь на груди моей впалость,
Где билось и выбилось сердце из сил?

КРЕСТ

Смотрите: мукою христовой
Искажены мои уста!
Я думал: слово – это слово,
А слово – это взлёт креста...
Шептать слова и – быть распятым,
Терновый вытерпеть веноч
И белым светом, белым платом
Не удержать кровавый ток.

* * *

Он схлестнулся крест-накрест с тобою
И земные отринул пути.
И, распятые общей судьбою,
Разве можете с неба сойти?
Было то, что ещё не бывало,
А что было – рассыпалось в прах...
Ты руками его обвивала
И в подлунном и в прочих мирах.
Откликнулась на редкое имя,
Постигала размолвок туман;
Неземная улыбка таима –
Холодит и волнует обман.
Он живёт у слепого экрана,
Затянул виртуальный портал:
Вместо сердца – открытая рана:
Сам бы рану не забинтовал...
Ты придёшь, ты омоешь слезами –
Тайно вылечишь рану его;
И с высот золотое сказанье
Явят звёзды, не зная того,
Что отчаялся сумрак осенний
И качается лодка вдали,
И дремотные запахи сена
Долетают с далёкой Земли.

г. Ростов-на-Дону

Андрей Ребров

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Когда ты привычно бредёшь от Невы
По линии Первой, взирая на крыши,
То видится – Ангел с церковной главы
Летит над Васильевским выше и выше.

Взмывает в блистаный надневский простор...
Но вдруг исчезает за башенкой старой –
Быть может, в крошечный спускается двор,
«Во образе тайном» идёт по бульвару.

И если когда-нибудь встретишься с ним
На жизненной линии, сродной с окрестной,
Поверишь, что город всечасно храним
Грядущим сквозь век Петербуржцем небесным.

* * *

Я из подъезда два квартала
Иду к Калинкину мосту,
И вдоль петлистого канала –
Одну гранитную версту,

А дальше – тело, будто в гору,
Тащу душою до собора,
Что колокольной, как перстом,
Мне указывает вечный Дом.

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Смолк гомон городской. В ночи разносит ветер
Гуденье фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм в звучащем этом свете
На дальний ясный звон, на тихий огонь свечной.

И временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки Ксения, сияя,
Идёт в юдольной мгле по мостовой.

Грядёт сквозь годы в образе беднячком,
Всю Русь вместив в ладонях на груди.
И я спешу, спешу, но не угнаться
За ней, идущей тихо впереди.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся Неву,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь, яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдали речные облака.
И чудится, что яблоки на водах
В скопленье сочетаются в века.

И те века плывут, плывут... И встречно
Течёт им жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Митрополиту Петрозаводскому и Карельскому
Константину (Горянову)*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шёл монах сумняшеса ничтоже
Вековой тропой, и кулики

Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шёл чернец строкой незавершённой,
Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,

Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятах танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шёл монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

г. Санкт-Петербург

Галина Рудакова

* * *

Север. Русло холодной реки.
Здесь неволи душа не приемлет.
Здесь и чужь уходила под землю,
Оставляя свои городки

Там, где ты принимал в свой чертог
Новгородцев – ушкуйников ушлых.
Если кто и хранил твою душу,
То какой-то языческий бог.

Север. Глушь староверских скитов:
Не свобода – так самосоженье.
Здесь и речки уходят под землю,
Чтоб укрыться от зимних оков.

Здесь свобода от царских вериг,
Здесь и пристань отступникам Божьим –
Средь лесов, средь холмов бездорожных,
Что когда-то оставил ледник.

Ты куда нас, судьба, завела?
 Кто владеет сегодняшним миром?
 Не остаться б на карте пунктиром...
 Здесь вот речка... когда-то была...

Север, звучен ветров твоих зык!
 Ни к чему тебе самосожженье, –
 Начинай же своё возрожденье,
 Крепни духом, храни свой язык!

ВАСИЛЬКОВЫЙ ВЕТЕР ПОЛЕЙ

Снишься матерью и отцом,
 Золотым, с васильками, полем.
 А в лесу, за дорог кольцом
 Родника звенит колоколец.

Это родины вечный зов,
 Дух полей и лугов медвяный,
 Где любой цветок – бирюзов,
 Где покой белой ночи мляный.

В травах, пахнущих чабрецом,
 Заблужусь средь твоих раздолий.
 Прозвени расписным словцом,
 Долгой песней о русской доле!

Потускнеет речная синь,
 Сгаснет озеро голубое,
 Но останется, негасим,
 Свет любви, что зажжён тобою!

И когда в суматохе дней
 Прозвучит дорогое имя,
 Васильковый ветер полей
 Над землёю меня поднимет.

* * *

Это не сон, это всё – наяву.
 Время застыло в деревне заречной.
 Лошадь у дома не звякнет уздечкой,
 Стадо коров не истопчет траву.

И под молочной прохладой лугов
 Больше костёр не зажжётся пастуший.
 Только всё громче: послушай, послушай –
 Бьётся река у крутых берегов;

Катер качает, грозясь потопить,
 Бьётся в протёртое днище парома...
 Запахом дыма дышать – только б дома,
 Дров заготовить да печи топить.

...Но уйду и не скоро вернусь.
 Рыба – и та ищет место поглубже.
 Родины голос становится глуше,
 И затеряться в пустыне боюсь.

Так перелески бегут по лугам...
 Но от себя убежать невозможно.
 В пору безвременья и бездорожья
 Кто-то останется у очага.

Кто-то поддержит горенье огня
 В сердце своём и в оставленном доме,
 Кто-то, возникнув в оконном проёме,
 Будет стоять в ожиданье меня.

с. Холмогоры, Архангельская обл.

Марина Саввиных

ПО БЫЛИНАМ СЕГО ВРЕМЕНИ

*Сълнце ему тьмою путь заступаше, ночь
стонуци ему грозою птичь убуди свисть
зверинь въста, Дивъ кличетъ върху древа,
велить послушати земли незнаеме, Вълзе,
и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню,
и тебе, тьмутороканьскыи бълвань
(«Слово о полку Игореве»)*

1

Сложим ли, братья, вновь песню о тихом Доне?
Тьмою закрылся день – по лесу стонет птичь.
Бьют над рекой дубы в бронзовые ладони.
Что тебя, Игорь, ждёт – разуму не постичь...

Встала Обида-Жаль в сёлах Дажьбожьа внука,
Мёртвым младенцем Див кличет по берегам...
Что вам дала, князья, гибельная наука
Милую степь бросать варварским сапогам?

– Это моё и то! – брат укоряет брата.
А между тем идут, чтобы крушить и жечь.
Братоубийце в дом – каинова награда:
Червь по путям колен, чадам – гнилая речь.

Сами себе князья вышли ковать крамолу.
До верху взбился смерч, прядая за Двину.
Горе святым горам, русской земли престолу!
Снова Ярилин штык окровянил луну.

Запад кипит войной. Дышит восток проклятьем.
Веются по Днепру смутные голоса.
Ты за холмом, страна, что завещалась братьям,
И на тебя глядят судные небеса.

2

Что седине моей вы сотворили, дети?
Над Киевом текут вороньи племена.
Шеломом Дон испит – и огненные плети
Пророческие вглубь кидают письмена.

Два солнца о закат колеблемый разбиты.
Два светоча живых дрожат на волоске.
А по родной земле – чужих коней копыта.
И мечется душа в душуше и тоске.

О, сыновья мои, какую нынче славу
Снискали вы себе – у Калки и Донца?
Вы, одного отца наследники по праву,
Достойного ль теперь сподобились конца?

На полотне полей – лишь охра, уголь и сурик.
И пахарь не пахал, и не косил косарь.
На помощь не спешат ни Всеволод, ни Рюрик,
Ни буйный тур Мстислав, как это было встарь.

Лист падает с дерев – по веянью пожара.
Потоки жгучих струй устали прах носить.
Неужто снова Русь беды не избежала,
И храброго полку уже не воскресить?!

3

Ярославна рано плачет на стене в Путивле:
– Не видало ли ты, солнце, ладу моего?
Не томится ли от раны, он здоров ли, жив ли?
Нет которую неделю вести от него!

Облети, ветрило-ветер, и леса, и скалы,
Воротись, поведай сердцу – нет ли где следа?
Омочила бы платок я в серебре Каялы,
Да красна, тепла в Каяле мёртвая вода.

Полетела бы я птицей на страстное поле,
Разыскала в горьком поле храбрые полки ...
Только пепел застит очи – до слезы, до боли,
И во мгле не разгляжу я собственной руки.

Мраком солнце затянулось. В бешеной падучей
Бьётся ветер, обливая землю кипятком.
Над Днепром клубится пламя грозовой тучей.
Смерть высматривает жертву каменным зрачком.

Где ты, милый? Нет ответа. Лишь раскаты грома ...
Обметало жёлтой пеной чёрный окоём.
Сохрани, святой Георгий, ладу от погрома!
Невредим пускай вернётся Игорь в отчий дом!

Ярославна рано плачет, руки стирая.
И клокочет над Путивлем колокольный звон.
По разбуженной равнине без конца и края
Развеваются полотна боевых знамён ...

г. Красноярск

Валерия Салтанова

***

На тропе, где бредут пилигримы,
Из далёких, несхожих миров,
Мы сошлись – и стоим, неделимы,
И не нужен ни храм нам, ни кров.
Нас судьбы закалило горнило,
Но, сердца нам сжигая дотла,
Нас одна с тобой песня хранила
И одна нас звезда берегла.
Штормовую волною гонимы,
Продуваемы ветром насквозь,
Мы и сами с тобой пилигримы,
Только нет нам пути больше врозь.

СТАН

Моей бабушке Маргарите Филипповне

Я – аксайская, из станицы ...
Зачеркнуть – зачерпнуть водицы,
На тесовый плеснуть порог:
Там – начало и там – итог.

Далеко, за речным туманом
 Изогнулась казачка станом –
 Отдаётся в колодце звон...
 Всё ей – дом здесь, и брат ей – Дон.
 Становление, стан, станица –
 Стаей птиц полетят страницы,
 Вереницей стихов и дней...
 Стань родным – стань ещё родней,
 Мой любезный, мой свет, мой сокол,
 Тот, с которым полёт – высоким
 И безбрежным отныне стал...
 Становище. Становье. Стан...

* * *

Я столько лет искала слово –
 Мечтала жить, хотела петь.
 И обжигала у Ростова
 Босая степь, косая плеть
 А тот, кто был моей судьбою,
 Другую отыскал судьбу:
 Не свяжет жизнь свою с любовью
 Рождённый со звездой во лбу.
 Ищу забытый слог высокий,
 Чтоб снова развернуть крыла.
 Мой синеглазый, ясноокий...
 «Мой» – слово, кажется, нашла.

* * *

Я прежде знала: накоплю
 С годами пламенную кровь.
 Но это больше, чем люблю –
 А может, именно любовь.

Ну вот, я сбросила всю спесь,
 Живу, желаний не дробя.
 И может, в том, какая есть,
 Я превзошла саму себя.

* * *

Тебя ли звала я? Тебе ли
 Душа отдавала ключи,
 Когда мне под шёпот метели
 Бессонница пела в ночи?
 Скитаясь по вьюжному кругу,
 Твою ли предвидела власть?
 К тебе ль сквозь полярную вьюгу
 Душа безотчётно рвалась?
 Твой образ ли нянчила в славе,
 В забвенье тебя ли звала,
 Когда, облаков величавей,
 Гляделась во все зеркала,
 Где, словно бы из Зазеркалья –
 Зрачков неотвязных круги
 И серая стая шакаля,
 Чьё имя: друзья и враги?
 Но, будто рисунок наскальный,
 И вправду ль в туманной дали
 Маячил бессмертный, бескрайний –
 Наш общий с тобою – Олимп?
 Не знаю, не знаю ответа –
 Невидим для сердца ответ.
 Но – только тобою согрета,
 И ты – только мною согрет.

* * *

Не чувствовать не мог, не знать не мог,
 Когда душой моих касался строк,
 Что ко всему здесь прикоснулся Бог,
 И ничему уже не выйдет срок.

И если даже в кровь я душу сбила,
 Чтоб вдалеке догнать звезду твою,
 Не думай, что тебя я не любила,
 А веруй, что уже не разлюблю.

г. Ростов-на-Дону

Евгений Семичев

* * *

В небе вольные птицы
Рассекают простор.
В белой Божьей рубахе
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не тает,
В белой отчей рубахе
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Осеняют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

* * *

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» –
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так.
Я ещё живой?»
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слезы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.
... Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

– За здоровье! – Я не прочь,
Хоть глаза твои – туманы,
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

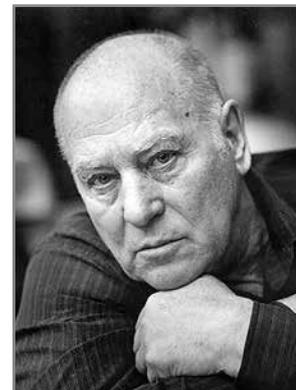
Коли ты – родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! –
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А сварливая зима
За окошком пусть попляшет.

г. Новокуйбышевск, Самарская обл.

Константин Скворцов

* * *

Золотой зверобой, и горячее поле душицы,
И обвивший смородину сказочный алый цветок,
И родник под скалой, тот, который доньше мне снится,
И сиреневый полог тумана вдали от дорог.

Я мальчишкою знал: ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав, из ручьёв, от рассвета хмельных.
Побелели виски. Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя, как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть к первой встречной зелёной травинке,
Потому что в тумане всё время мерещилось мне:
Может быть, это ты в серебристой, как сон, паутинке,
Той, что ветер принёс, словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город, оставив и горы, и поле...
И в ущелье домов, где не встретишь живого огня,
Ты по улице шла в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу. Но как ты узнала меня?

* * *

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспышки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость...
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня... Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Вперяет глаз прозорливый и меткий
Туда, где расписные лоскутки
С девичьим страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошёл с корзиной полною грибник.
Ему мы показали часть леса!

С корзиной полною – вот счастья знак.
Какого мы еще искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

* * *

Это голос Любви или Господа глас?..
Я не знаю, что это, моя Всецарица.
На лебяжью перину метель улеглась.
А звезде неприкаянной в небе не спится.

Средь беспечных друзей и веселой родни
Твоё сердце мятежное так одиноко...
И ложатся на снег золотые огни,
Золотые огни непогашенных окон.

Но свет в руки не взять, как его не лови,
И не выпить до дна эти звуки рояля,
Что уносятся ввысь позывными Любви –
Не раскрытую тайною чаши Граала.

Я на грешную землю с небес не вернусь
Ни восторженным криком, ни сладостным эхом...
Ты играй, дорогая, и я отзовусь...
И ударю по крыше маньчжурским орехом.

Это голос Любви или Господа глас?..
Я не знаю, что это, моя Всецарица.
На лебяжью перину метель улеглась.
А звезде неприкаянной в небе не спится.

* * *

Не став избою, доживает сруб.
Дымит полынь из выбитых окошек.
Не пахнет хлебом из холодных труб.
Нет ни мышей пронырливых, ни кошек.

Петух уже не сядет на плетень.
Ворон – и тех не видно на деревьях.
Старушка, словно собственная тень,
Едва плывёт по вымершей деревне.

Берестяной пылится туесок.
Забыта прялка. Выброшены пяльцы.
Не говорите мне: всему свой срок...
Страна уходит, как песок сквозь пальцы!

г. Москва

Владимир Скиф

* * *

Сбились в стаю мои перелётные птицы,
Покидают прозрачную тихую Русь.
Только чечеты, галки, клесты и синицы
Над землёю разносят осеннюю грусть.

Только чечеты, галки, клесты и синицы
Запекаются в утро румяной зарёй.
Я к рябине приду, чтобы с нею проститься,
Светом душу промыть над рекой Ангарой.

А рябина красна. Небосвод аж багрится
От рябиновых ягод – от горьких огней.
Вьются чечеты, галки, клесты и синицы
Над печальной и гордой рябиной моей.

Ухожу до весны. Расставание длится.
Одиноко в лесу. Не кричит вороньё.
Только чечеты, галки, клесты и синицы
Обрывают рябину, как сердце моё.

ПАСХА

Словно печка – заря затопилась,
Заалела, как дверца в ночи.
Мне сегодня под утро приснилось:
Выпекает заря куличи!

Это правда, а может быть сказка,
Но я вижу на стыке веков:
Луч рассвета – янтарная скалка
Раскатала блины облаков.

Это тихая явь или небыль?
Я услышал: запела пчела,
И поджаристо хрустнуло небо,
И весёлая Пасха пришла.

* * *

Всё во мне, словно купол святой, золотится,
Всё во мне день и ночь золотою пчелою поёт.
Это сердце моё на цветок поцелуя садится,
Это сердце моё – твоё тело медовое пьёт.

Отодвинь от себя, как чехол, одиночества кокон,
Убери из себя вожденье – купаться в крови.
Только душу оставь, как сияние мартовских окон,
И себя принеси на горячее ложе любви.

Посмотри, как во мне твоё первое чувство гнездится,
И вселяется дрожь и бежит, как морская волна.
Это чувство моё на губах у тебя нерестится,
И душа, как таймень, поднимается с тёмного дна.

Ты себя не жалея, как сестра не жалеет водицы,
Ты не бойся себя и ступи на смертельный карниз.
Мы с тобою вдвоём, как огромные белые птицы,
То ли к Богу летим, то ли падаем медленно вниз.

Не страдай о других. Мы себя у других не ворует.
Будь со мною нежна и душою, и телом нагим.
Я целую тебя смертоносным своим поцелуем,
Я сжигаю тебя, чтобы ты не досталась другим!

* * *

Мир деревенский, многогранный,
Земля моя, мой край желанный,
Я зрю проталины твои,
Я вижу твой рассвет туманный
На дне глубокой колеи.

Я вижу старенькие бродни,
К ручью построенные сходни,
В лощине – серую копну,
И лист подгнивший прошлогодний,
Как будто втоптаный в весну.

Рассвет к околице прилажен,
Спит детства давнего шалашик,
Где мы скрывались от дождя.
Ворс тишины рукой поглажу,
По тихой роще проходя.

Не вижу малого изъяна
В родном краю, на той земле,
Где блещет радугой поляна,
И светит капелька тумана
У спящей птицы на крыле.

г. Иркутск

Виктор Соколов

* * *

Сад мой сумраком затмило,
в сердце просится печаль,
и опять ничто не мило,
ничего опять не жаль.

Не ищю новее слова –
по былой плыву волне.
Лета жаркая полова
осыпается во мне.

Дерева роняют листья,
их сгребаю в костерок.
Сколько осени ни длиться –
но и ей не вечен срок.

Мой костёр в тумане плачет
и вздыхает нелегко.
Дым валит, а это значит,
что огонь недалеко.

* * *

Бьёт спидометром навывлет
по шальной башке.
Может, нынче счастье выйдет
к плёсу на реке.

Омутищи, Чертовищи –
дикие места.
Только ветер в окна свищет,
рыщет по кустам.

Мой мотор уже не в силе
тормоз перевозмочь.
Черти, что ли, прокосили
над жнивьями ночь?

Ни звезды, ни обольщенья
редкого огня,
ни охулки, ни прощенья
больше для меня.

Сел за руль – гони безбожно,
благо что без прав,
безнадёжно, бездорожно,
все ГАИ поправ.

Сукин сын, куда ж ты мчишься?
Где тебя прижмёт?
Где геройски отличишься,
вмажешь в поворот?

А за ним завал деревьев,
гибельный кювет
и такой простой и древний –
«пламенный привет!»

Но, взлетая с дымным тленом
к Божьим небесам, –

дьявольски неубиенный,
ты не нужен там.

Искуренный, палёный,
рванный на куски,
дотяни, дурак влюблённый,
к плёсу у реки.

* * *

Из сердца раненой березы
я вынул старый ржавый гвоздь.
Струились медленные слёзы
в мою подставленную горсть.

А я не чувствовал награды...
Вся угасая, как свеча,
она смотрела без отрады
в глаза неожиданного врача.

Не принимала в укоризне
целительного ремесла.
Ей было лучше в прежней жизни,
где боль корою заросла.

И шёл я тропкою заглохшей
по невозвратной стороне,
в которой соловьи и рощи
уже забыли обо мне.

И лишь одно воспоминанье
я нёс с собою, как слезу
на неприкаянном свиданье
с моей берёзой в том лесу,

где трепетало её тело,
а я потерянный стоял
и ей губами неумело
былую рану зажимал...

г. Иваново

Евгений Степанов

ШАНСОН

А чайки – как черти – кричали,
И пенился пьяный причал.
Мы – дети греха и печали,
Как кто-то о нас пробурчал.

И чувство открылось нам внове,
Спокойствие растеребя.
Мы – дети высокой любви,
Высокой, как грудь у тебя.

Порыв – разве он отменяем?
Прилив – он и в чувствах прилив.
А путь между адом и раем
Приятней пройти – сократив.

* * *

Этот голос, пропитанный злобой,
Этот крик «ухожу от тебя» –
Я-то знаю – по сути, особый
Способ выразить нежность – любя.

Эти страсти-мордасти – на деле
Причиняют немного вреда.
А вот приторно-добрые трели –
Как подводные мины – всегда.

ЛЮ

когда ты вернёшься ко мне никогда
и распрей умрёт не умрёт череда
ты скажешь далёкая близкая Лю
ты скажешь люблю я отвечу люблю

когда никогда я вернусь поскорей
и выйду не выйду из двери дверей
скажу королева нужна королю
скажу я люблю ты ответишь люблю

ТЫ – ЭТО Я

лишь бы ты не болела – пела – летала –
согревала бы меня своим дыханием –
даже через океаны –
заполняя собой всё пространство.

любовь – какая нехитрая формула –
ты –
это я.

МОЯ ЛЮБИМАЯ

Потом – я знаю – буду каяться.
А нынче трудно успокоиться.
Жизнь – сицилийская красавица –
Жена-любовница.

Потом – я знаю – всё закончится,
Сойдёт на нет натура страстная.
А нынче жизнь – моя поклонница,
Моя прекрасная.

Моя прекрасная, незаменимая,
Моя напрасная, неисправимая,
Моя любимая, моя любимая,
Моя любимая.

* * *

Печка краснеет – Красково.
Ветер гуляет в трубе.
Снова и снова, и снова
Я растворяюсь в тебе.

Пьяно и нежно, и грубо,
Снова и снова, и вновь.
Сладкая девочка Люба –
Гибель моя – любовь.

ПАМЯТИ СТЕПАНА ЩИПАЧЁВА

Как надоело скольжение
По городам и делам.
Есть у меня достижение –
Я не чужой небесам.

Как надоело старание –
Жить, подчиняясь рублю.
Есть у меня состояние –
Я и любим, и люблю.

Холю-лелею желание –
Жить не спеша-не греша.
Есть у меня понимание –
Главное – это душа.

г. Москва

Светлана Супрунова

* * *

Шла себе своей дорогой,
Не согретая, ничья,
В пояс кланялась убогой,
Умывалась из ручья.

Мимо храмов, близко-близко,
Шла под ранней синевой.
Вот она у обелиска,
Помолилась под звездой.

Щекотали травы пятки,
Доставали до колен.
Шла, волнуясь, по брусчатке,
Мимо древних красных стен.

Что за стенами творится?
Жёлтым светится окно.
Заглянула – лица, лица,
Не запомнить ни одно.

А потом пошли приметы,
 Что неблагостно в дому,
 И качались силуэты
 В наркотическом дыму.

Мимо брани, мимо дыма,
 Меж окурков и плевков ...
 И прошла Россия мимо,
 Не узнав своих сынов.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
 А грибов-то – под каждым кустом,
 Деревянная мокнет церквушка
 Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
 И ни певчих, ни благостных лиц,
 На стенах из журнала страницы,
 И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
 Позолота нигде не блеснёт,
 И в поношенной рясе хозяин
 В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
 За страну и за завтрашний день,
 Уж не крестит, а всё отпевает
 Поколение глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
 Эту древнюю дверь отопрёт,
 Приблудится, бывает, старуха,
 И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
 Что, теряясь, почти не дыша,
 Прослезится от близости с Богом
 Непутёвая чья-то душа.

* * *

Всюду, и в холод, и в зной,
 В белом платочке, убогая,
 Всё семенила за мной,
 Словом обидным не трогая.

Мне бы на берег другой,
 Села я в лодку забытую.
 Слышу её: «Я с тобой»,
 Слышу тоску неприкрытую.

Землю промыли дожди
 И завалило сугробами.
 «Буду теперь впереди», –
 И повела меня тропами.

Шли средь болота и ржи,
 Сколько исхожено, пройдено!
 «Кто ты, бабуся? – скажи». –
 «Родина, девонька, родина».

Стольких пришлось потерять
 В эту шальную погоду.
 «Буду ль кого вспоминать?» –
 «Родину, девонька, родину».

Только и дел: дорожить
 Тропкой последней, не пройденной.
 «Чем до скончания жить?» –
 «Родиной, девонька, родиной».

г. Калининград

Светлана Сырнева

* * *

Это сон, это слишком опасная тишь,
 значит, лёд на стремнине расколется.
 Это двинулась жизнь, и, покуда ты спишь,
 подступает вода под околицу.

Твой поток беспощаден, твой рокот силён,
 неумолчная ночь разрушения!
 И таинственным гулом весь мир населён –
 гулом гибели и воскрешения.

Ни единая в небе не светит звезда
 над лесами, полями, бараками.
 И спасенье идёт, как приходит беда, –
 оперённое теми же знаками.

Пусть над чёрною бездной белеет окно
 и глядится в свое отражение,
 но на части разъять никому не дано
 своевольной свободы движение.

Это завтра наступит пора ремесла –
 время тяглое, чистое, мутное.
 И не вспомнит река, как она унесла
 все мосты и заслоны минутные.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Полночь. Деревня. Темно.
 Стужа – вздохнуть нелегко!
 Треснет в проулке бревно –
 гул полетит далеко.

Роща навек замерла,
 к небу вершины воздев.
 Жучка – и та, как стрела,
 с улицы мчится во хлев.

Где-то мерцает огонь,
 резво скрипят ворота.
 Там самовар и гармонь,
 белая чья-то фата.

В эту морозную стынь
 любо мне свадьбу кутить,
 мимо бездвижных твердынь
 лихо на тройке катить.

Стой ты, дворец ледяной,
 мраморный замок любви!
 Песней да пляской хмельной
 брызнут паркетные твои.

Эх, погуляй, слобода,
 но не кичися судьбой:
 русского снега и льда
 в рай не захватишь с собой!

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

Из невозвратных краёв
немо смотреть с высоты
на белоснежный покров,
на ледяные цветы.

Некому будет спросить:
чем ты, душа, смущена?
И не успела остыть
вровень с бессмертьем она.

* * *

В тихом омуте я живу.
В тихом омуте – тишина.
Человек наклонит траву,
глянет в омут – не видно дна.

Молча сядет на бережок
в запывившихся сапогах
и не моет в воде сапог,
суеверный чувствуя страх.

Он родился и вырос здесь,
и лесной у него закон:
во чужую душу не лезь
и свою храни испокон.

Оттого между мной и им,
словно с неба упавший щит,
лист осинового, недвижим,
всякий раз на воде лежит.

г. Киров

Михаил Тарковский

* * *

На светлом небе ни полосы,
В морозной дымке поворот.
Здесь новый день, и ложе «тозки»,
И скалы серые Ворот.
Бахта! Когда он станет давним,
И этот снег, и этот кров,
Я буду бредить каждым камнем
Твоих далёких берегов.
Где, приглушённая снегами,
Велась война без баловства
С моими вечными врагами,
Где были в ярости добыты
Неотомщённые обиды
И плоти жалкие права.

* * *

Я пришёл успокоить взор
На плече этих низких гор
Я пришёл остудить мозги
Серебристым шуги.

Здесь, как вата, вбирает снег
 Загустевшую кровь реки,
 Здесь слова замедляют бег
 И трещат в берегах строки.

Здесь и мысль, превращаясь в лёд,
 Позволяет себя прочесть.
 И в глазах у рассвета жесть,
 Как у той, что меня не ждёт.

* * *

Ты пришла. Колыхнулись шторы.
 У тебя осторожный вид.
 За Твоею спиной просторы,
 От которых меня знобит.

Я решал, для чего я создан...
 Ты окрепла в моём тепле
 И упрямо стремишься к звёздам,
 Завещая меня земле.

Ты стоишь в перехлёстах платья,
 Отрешённая, как вдова...
 Уходи. Я готов к расплате
 За любые твои права.

* * *

Я стою на краю Океана,
 Ожиданья, надежды, земли,
 Над Хоккайдо полоска тумана
 И в Корсаков ушли корабли.
 Всё сбилось по пути, на дороге
 В набегающем косо снегу,
 Потому так пронзительно-строги
 Эти горы на том берегу.
 Так по чьей нестихающей воле
 Я стою, как стоял на мосту,

Два крыла, две дороги, две боли
 Распластав на огромном кресту?
 Вот колышется, светится, дышит,
 Подступает, гудит, говорит,
 И имеющий уши да слышит,
 И имеющий очи да зрит
 Эту зыбь, не залёгшую к ночи,
 Эти дали, дымы, облака...
 Лишь бы были прозрачными очи,
 И спокойна, как прежде, рука.
 Спице, горы, дома и собаки,
 Я к утру разгоню пелену,
 Я подам предрассветные знаки,
 Что приму, пронесу и верну,
 Всё верну... и полоску тумана,
 И двуглавую долю мою...
 Понимает язык Океана
 Только тот, кто стоит на краю.

* * *

Жизнь промчится, не дав ответа,
 Будет ночь, пустота и страх,
 И лиловый налёт рассвета
 На искусанных в кровь губах.

Будет шёпот, неловкие ноги,
 Облегченье последних слёз
 И над синей стрелой дороги
 Симфонический шум берёз.

...Брат мой, ветер! Вдувая одежды,
 Ты дорогу за мной просуши...
 Дай мне, Боже, хоть тень надежды
 На бессмертье моей души!

с. Бахта, Красноярский край

Вадим Терёхин

* * *

Откуда – её я не звал –
Идёт беспощадная старость.
И кажется всё я сказал,
Но главное что-то осталось.

И всё кратковременно так,
Непрочно, мгновенно, беспечно.
И всё кратковременно так,
И всё удивительно вечно.

И всё, что на грешной земле,
Пропел я как певчая птица,
Плутая в полуночной мгле,
На небе должно разрешиться.

* * *

На искусстве не наваришь,
Жить не будешь сыто-пьяно.
Только старший мой товарищ
Вновь бренчит на фортепьяно.

Люди держат в мыслях числа.
Люди думают о деле.
Ты какого ищешь смысла
В этом музыкальном теле?

От такой пустой работы
Что в миру себе оставишь?
Ты какие ищешь ноты
Среди чёрно-белых клавиш?

Лик его высок и светел.
На вопросы нет ответа.
Только музыка и ветер
Обнимают части света.

Он привержен лире стойко
С обреченностью мессии.
И несётся птица-тройка
Вновь по Матушке-России.

* * *

Я вступаю в борьбу с коварством
И останусь невредим
Полновластным государством
По названию Вадим.

Стану доблестным и мудрым
Для того чтоб все враги
Знали твёрдо – каждым утром
Им вставать не с той ноги.

Я живу во многих лицах –
Сам-свобода, сам-тюрьма –
Распахну свои границы
Вдохновенья и ума.

Укрепиться между строчек
Помоги мне, Божий Сын.
Истребляют одиночек,
Ну, а я-то не один.

И в сражении суровом
Среди пепла и огня
Я прошу, чтоб только Слово
Не оставило меня.

* * *

Тёмен язык и обиден, и зол,
Если он следует дикой природе.
Солнечным светом наполнить глагол
Призваны были Кирилл и Мефодий.

Им помогло провиденье само –
Вера, смирение, промысел Божий.
И обростало навеки письмо
Речью прямой, не на чью непохожей.

Ради спасенья, во имя Христа,
Чтоб замолить осквернённое тело,
Как мотылёк на огонь, на уста
Одушевлённое слово летело.

Каждый теперь в этом племени мог
Сквозь воспалённые связки гортани
Правильно славить того, кто есть Бог!
И называлось то племя славяне.

г. Калуга

Аршак Тер-Маркарян

В ПУТИ

Будет рубанком –
Стремглав под откос –
Состав пролетать
Колченого...
И – гулко стучать
Сердце звонких колёс
О рёбра
Чугунной дороги.
И – мимо перрон...
Палисадник, забор,
Замок на воротах
У почты...
Как сбитые локти,
Горит семафор
Сквозь бархат
Разорванной ночи!
Так будет и тысячу дней –
У берёз,
Взлетевших салютом
Над Волгой –
Рубанком вгрызаясь

Под тяжкий откос,
 Состав пролетать
 Колченого.
 И –
 Время поднимет уже
 На дыбы
 Табун крепкогрудых
 Деревьев!
 И, кольцами стружек –
 Одни лишь дымы
 Давно позабытой
 Деревни...

СЛОВА

Я свои слова замешал круто,
 А потом, словно хлеб,
 Посолил крупно...
 (Пусть читатели решат!..)
 Я не дам им нежиться!
 Знаю, скажут: «Аршак,
 Перегнул несколько...»
 Перегнул
 в дугу –
 Ра-ду-гу
 От города до станции,
 А кто выпрямит – тому
 Пусть слова достанутся!..

* * *

Я услышал зловещее:
 «Кар-р-р!»,
 Но не мог шевельнуть даже пальцем...
 То ли облако, то ли Икар
 Над дорогой степною скитаются,
 Мне б глоток родниковой воды,
 ...Жадно лижут на поле следы,
 Опьянённые кровью, шакалы

(На сто вёрст –
 звёзд далёких огни!
 Майских трав серебристых каскады...)
 И –

трусливо хохочут они,
 И клыки пожелтевшие
 Скалят!
 Что мне делать?
 Валяюсь в пыли,
 Как на стройке ненужная шпала...
 Я уже стал частицей земли,
 А душа ещё

не отлетала!

То уйдёт,
 То вернётся ко мне,
 То прогонит шакалов за балку...
 Рядом –

скачет казак на коне
 Возле плачущей каменной бабы!
 Ветер шепчет...
 Пожалуй, усну
 На полыни, лучами согретой,
 Я теперь никогда не умру –
 Даже...

через четыре столетья!

ОКТЯБРЬ

Степной сквозняк оранжевым окрашен,
 Повинно в этом отраженье рос...
 Стоят стога – лобастые Сократы,
 Ораторствуя синим толпам роц!
 Я, может быть, ни капли не раскаясь,
 Задумчиво раскинув сердца дрожь,
 Пойду один, на лица натыкаясь,
 Как этот кособокий рыжий дождь...

г. Москва

Виктор Тихомиров-Тихвинский

МОЙ ГОРОД

Мне этот город с малых лет знаком.
Здесь монастырь, как будто крёстный батя.
Когда берёзы сбрасывают платя,
Гляжу на них стеснительно тайком.
Я каждым камнем здешним дорожу,
Ведь город Тихвин – Витькины пенаты.
Отсюда, помню, уходил в солдаты –
Теперь ли в путь последний ухожу?
Но, вырвавшись из траурных оков,
Душа легко обратно прилетает..
Моих стихов мой город не читает,
Ведь городу сейчас не до стихов!
И заползая в лабиринт судьбы,
Как малый мальчик, хлопаю в ладоши...
О, кто бы знал, что дядя нехороший
Хорошие здесь делает гробы.
Дела свои земные завершу.
И с высоты грядущих поколений
Я рухну перед Богом на колени
И к Тихвину вернуться попрошу.

АЭРОПОРТ

Глебу Горбовскому

Во мне смешались дни и ночи.
Ночей темнее нынче дни.
В аэропорт всё так же точно
Летят небесные огни.

И возвращаются обратно –
Земного блага не хотят.
Нездешний дед бубнит невнятно,
Что это ангелы летят.

УСТЮЖНА

Устюжна-град! Ударение на первом слоге,
Чтобы вновь ненароком ошибка не вкралась в стихи.
Бог облака – прямо в небо, по сонной Мологе –
Денно сплавляет (зачем?), как будто людские грехи.

Устюжна-град. Здесь сроднились и боги и люди,
Здесь – печальные церкви... Печальнее нету церквей...
В небе солнце горит, а мне кажется – ангел на блюде
Из стекла рассыпает с небес благодать на людей.

И в людские глаза церковь смотрит разбитым фасадом,
Словно важное что-то решила сегодня сказать...
И почудится мне, что не церковь, а женщина рядом –
Будто в рваной одежде детьми позабытая мать.

ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

Илье Штемлеру

Возвращаюсь из жизненной смуты
Дней вчерашних – в сегодняшний рай
Разбиваю судьбу на минуты,
Но кричит кто-то: не разбивай...

Небо звёздами полнит утробу,
И мне кажется: к каждой звезде
Подъезжает твой школьный автобус
И тебя подбирает везде.

НА ПЛОЩАДИ СВОБОДЫ

Виктору Хатеновскому

Над Тихвином – знамение церквей,
Да звоны колокольные тревожат
Не душу вновь, а разум мой, быть может,
Под крики неприкаянных людей.

На площади Свободы неуют.
Здесь Божье Слово ветер вдаль уносит,
Здесь нищие у нищих денег просят
И песни поминальные поют.

Отвергнутый Властителем Земли,
Воспрянет Тихвин в сокровенном самом,
И поплывут торжественно над храмом
Молитвы наши, словно журавли.

ОТЧАЯНИЕ

Говорят за стеной
Про любовь непонятные фразы.
Снова батюшка мне наливает степенно кагор.
Я до точки дошёл, до какой-то сомнительной фазы,
И меня отыскал чьей-то злобы незримый топор.

Будут чёрные сны в чёрный саван весь день наряжаться.
Будет кто-то кричать и глумиться всю ночь надо мной...
В чёрном мире любви суждено ли любви мне дожждаться,
Коли в Чёрное море любовь нашу смыло волной?

г. Тихвин

Алексей Филимонов

СМОЛЕНСКОЕ

Тут папоротник широко
Раскинул свежие объятия.
Сквозь лес сочится молоко
Лазоревое на распятыя.

От человека на века
Объём креста иль монумента.
Чиста небесная река,
Проста событий кинолента.

За мхом и сыростью – гранит,
И все могилы на мгновенье
Бессмертья обретают вид,
Превозмогая слух и зренья.

Здесь современник, заплутав,
На камне обнаружит имя
Своё, и жизнь перелистав,
Два ангела что часовые

Его судьбы; недалеко
 Могила Александра Блока,
 Где крестит девичья рука
 Прах потревоженного бога.

* * *

Я – авиатор, небесный летун,
 Стал экспонатом, одетый в латунь.

Винтопропеллер моей головы,
 Словно Рокфеллер, скупает умы.

Петля над бором, зигзаг над Кремлём,
 Время – укором – горит янтарём.

Не долетевший до бездны, парю
 Над монументом, одетый в зарю.

Лётное поле теперь Вавилон,
 Сплющен от боли седой небосклон.

Памятник, память, помятый бокал,
 Время исправить тому, кто восстал.

Кто-то сказал, что моя стрекоза
 Переполняет зияньем глаза.

КРОВОПУСКАНИЕ

На парикмахерской ворота,
 А вне стены – и на стене,
 В халате пёстром тёмный кто-то
 Приборы точит в тишине.

Они приходят постригаться,
 Одеколоном залиты,
 Войдут в потоки демонстраций,
 Стирая родины черты.

Я вижу всё, стригомый свыше –
 Вот длани, что ведут на Суд.
 Цирюльник-ангел нас услышит,
 И стричься к Богу поведут.

Ночь, улица, фонарь, цирюльня,
 Божественный и личный свет.
 Оставлен в глубине июля
 Наш вечный и мирской портрет.

Что он сулит, незримый постриг?
 Душе неведомо пока.
 На небесах стригутся звёзды
 И свет сочится в облака.

ЛИСТ – БАХ

Средь отлетающих листов
 Один шепнуть тебе готов,
 И он вне хора, этот лист,
 Они молчат, а он солист,

И тонко-тонко в тишине
 Он напевает в полусне,
 Ещё не Лист, уже не Бах,
 Пока солист, ещё не прах.

Жужжанье сфер, напевность рек,
 Мне кажется, он человек,
 Как смог он жестом передать,
 И звуком – музыку в тетрадь?

г. Санкт-Петербург

Виктор Хатеновский

***

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбудив судьбу хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батяка в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: «Трогай!»,
Ради нас – в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином – сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал – дорог.

Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошकारа...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

***

Передёрнув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов.
Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив кверху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.

***

Сегодня вновь, как тридцать лет назад,
Мы будем петь дурными голосами
Про чёрствый хлеб и про вишнёвый сад,
Про скромный быт в золотоголовом храме;
Про то, как сброд зажавшихся господ
Златым тельцом раздавлен и разрушен;
Про то, что русский коренной народ
Своей стране давно уже не нужен.

***

Набывчив лоб, сойдя с ума,
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребёнком просится на руки.
Она предчувствует разлад...
Кричит: «Юродивый, куда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда, –
Твори!». Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...

Вот только странно в эту ночь
Смерть разодета – как невеста.

* * *

Благодарю Тя, Господи!
Господь, благодарю –
Её по Красной площади
Не вёл я к алтарю,
И радостью, обещанной
В начале всех начал,
Ты с этой дерзкой женщиной
Меня не обвенчал.
Благодарю Тя, Отче наш, –
В стране грехов и грёз
Всё пройдено, всё кончено
Без крови и без слёз.
Доверившись сну вещему –
Слов попусту не трать...
Пролей на эту женщину
Любовь и благодать!

* * *

В декабре, в одном исподнем,
Мрачным утром – невзначай
Выпорхнув из преисподней –
Вместо спирта в крепкий чай
Ткнула мордой: «Недоносок,
Пей! Расплещешь... Побратим,
Станет гроб из жёстких досок
Вечным лежбищем твоим».

г. Москва

Владимир Хохлев

ХРИСТОС У ХРАМА

Вчера я был до дрожи потрясён,
как будто бы увидел странный сон.
Шёл вверх по улице, среди реклам...
вдруг замер... у открытой двери в храм.

Христос сидел на паперти у храма
невидимый, неслышимый... Один.
Визжала за оградой пилорама,
под купою краснеющих рябин.

Сновали суетливые трудяги,
на колокольне строили леса.
Церковные под ветром бились стяги,
и радовались стройке небеса.

Христос сидел, измученный, голодный.
Как после боя. Раненый копьём.
В истерике метался клан вороний,
всё этим черным птицам нипочём.

Святыню восстанавливали люди,
разрушенную красной саранчой.
На бронзовом небесном блюде
сверкал восток не гаснущей свечой.

Христос устал. Он был уже не молод,
Он спать хотел, но было не до сна.
Сквозь человеческий, равнодушный холод
светила в души Вечная весна.

* * *

Ты пришла тёплая, лохматая после сна.
Оценила меня, всего осмотрела.
Обошла молча, остановилась у окна ...
Постояла и ушла, как мысль – улетела.

Не сказала ничего: ни здравствуй, ни привет.
Не спросила, почему я уже не сплю.
Вошла и вышла. Сразу и «да», и «нет» ...
Вот такую по утрам я тебя и люблю!

* * *

Деревья ...
рождаются слабыми,
тонкими.
С прозрачными ладонями,
подвижными головёнками.
Обрастают кожицей,
шершавой кожурой.
Вверх обращают рожицы,
занятые игрой.
Ласкают небо ветками,
щекочут, смеются.
Сеют желудями-детками,
с ветром бьются...
Склоняются, уставшие,
лопаются корой.

Богатыри вчерашние
теряют строй.
Ломаются пальцы,
локти, предплечья.
В последнем танце
сжимаются плечи.
Ноги дрожат, колени трясутся.
Подошвами безжалостно мнутся
листья, сорванные за день.
Рушатся деревья, на мир глядя
С чистыми взорами,
как в детстве...
Рушатся деревья...
С людьми вместе.

* * *

После ГУЛАГа, после расстрелов,
после террора и беспредела,
после Освенцима, после Хатыни,
после доносов и пули в затылок,
после немецких газовых камер,
после того, как весь мир замер,
после одиннадцатого сентября...
После российского октября.
После убийства всех в Нагасаки,
после химических взрывов в Ираке,
после холодной блокадной зимы,
после секретных лучей на умы.
После бомбежек НАТО Балкан,
после вторжения в Афганистан,
после расстрела царской семьи...
После терактов, после крови.

Вправе ли мы говорить о любви?

г. Санкт-Петербург

Наталья Чистякова

* * *

Пылят по земле печенег.
В округе не видно ни зги.
Но будут моря, будут реки,
Избы в тумане реки.

Пылят по земле печенег...
И сколько их, Бог весть, окрест.
Но есть у Руси обереги:
Вера, молитва и крест.

ИЮЛЬ

Июль теплом не бедствует,
Не бедствует дождём.
И потому соседствует
С ныряньем в водоём.
Со злостным нравом диких ос
И трепетом стрекоз,
Июль всегда соседствует
Со зрелостью берёз.
Со стогом сена скошенным

И с бездной васильков,
И с белкой, огорошенной
Обилием даров.
Но для меня соседствует
Он в этот год – с тобой.
Ну, разве это бедствие –
Гроза, июльский зной?

ГАРМОНЬ

Памяти Василия Истомина

Целый век не вздыхает гармонь,
И на кнопках ноты застыли.
Не горит в её сердце огонь,
А недавно в нём песни гостили.

А недавно грустила она,
Рассыпалась серебряным звоном,
Как большая любовь и весна,
Подступала к влюблённым с поклоном.

А теперь – догадайся, поди,
Как, вмещающая величье России,
Столько боли таила в груди,
Столько радости в сердце носила.

То взрывалась стихии под стать,
То молчала, присев одиноко.
Так умела и помнить, и ждать,
Замолчав, как хозяин, до срока.

Васильки заблудились в лугах
И заснули в ночи, обессилив.
Но гармонь – день и ночь на ногах!
И не может прожить без России!

* * *

Я устала от проблем
Легковерного огня,
От невыносимых тем,
Пепелище бороня.

Я сыта по горло злом,
Мне – так хочется тепла...
На крылечке золотом
Кем я только ни была.

От слепой и гиблой мглы
С беззащитностью птенца
Обиваюсь об углы
Бесконечного кольца.

В ЗОЛОТЫХ ТУМАНАХ

Мой хороший, то, что было,
Ты, конечно, не забыл.
Я тебя ли не любила?
Ты меня ли не любил?
Осень в золотых туманах.
Без тебя – какая жизнь?
Если ты пропал в бурьянах –
Выбирайся и божись.
Так не раз уже бывало –
Уходил и приходил.
Провожать тебя – устала,
А встречать – не стало сил.
Днём нет мочи притворяться –
Улыбаюсь напоказ.
Ночью – наши ночи снятся,
Вновь прощу...
Последний раз!

г. Балашиха, Московская обл.

Андрей Шацков

НА ТРОИЦУ

Покуда уныния грех не утих
И в душу метёт листопадом,
На помощь приходят изограф и мних
И вкупе становятся рядом...
Пусть в Троицын день со смятенной душой,
Забывшей про Божие слово,
Пребудут в скорбях над тщетой, надо лжой
Три лика Андрея Рублева.
Три ангела в блеске цветенья поры,
В июньской, безоблачной сини
Раскинут крыла от библейской горы
До северных храмов России.
И ляжет на мир благодатная сень,
Даруя живому прохладу.
И Символом Веры отмеченный день
Со звонниц шагнёт за ограду.
И будет ниспослан Березовый Дух
Развеять уныния иго...
И Сергия слово ложится на слух,
И легче — унынья верига!

НОЧНАЯ СТОРО́ЖА

*Памяти любимого старшего сына Димитрия
(10 марта 1980 – 21 июня 2016)
с горечью посвящает автор*

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждёшь?
В пойме реки-Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь пол-сотни
Прапором осенить?»

Да не поглотит темень
Нами зажжённый трут.
Сёмка, Игнатий Кремень,
Гридя – не подведут!»

«Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть.
Скажет Боброк: Не дело!
Скажет Бренок: Не в честь!» ...

Взгляд его светлый – строже
Сделался и синей.
«В первой пойду сторо́же,
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы,
В смутной поре ночной!
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы-кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем –
Смертным грехом отца.

Души летят, как криквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

(Сороковины)

СОН О ВЕРБНОМ

Новый год. Сугробы выше кровель.
Но наперекор календарю
Тетерев токует, выгнув брови,
Прозревая вешнюю зарю.

Свет небесный — холоден и скуден.
Беспокоен снега океан,
Словно знает: день придёт — не суден.
Вербною любовью осиян.

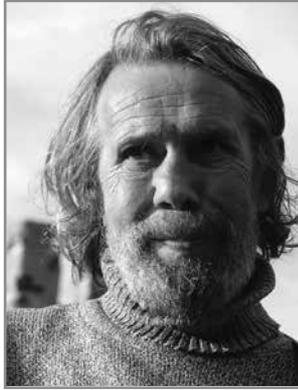
И стремясь из тесной колыбели,
Подчиняясь солнцу и теплу,
Краснотал и чернотал в апреле
Выбросят пушистую стрелу.

И народ поднимется на взгорок,
На взлобок, угор и старый холм.
Чтоб на миг увидеть древний город
И в воротах — путника с ослом.

И сердца откроются Мессии.
Но минует время вещей снов...
И снегов достанет у России,
И дорог — к подножию крестов.

г. Москва

Владимир Шемшученко

* * *

Дождь походкой гуляки прошёлся по облаку,
А потом снизошёл до игры на губе.
Он сейчас поцелует не город, а родинку,
На капризно приподнятой Невской губе.

И зачем я лукавую женщину-осень,
С разметавшейся гривой роскошных волос,
Ради музыки этой безжалостно бросил,
Чтоб какой-то дурак подобрал и унёс?

Я по лужам иду, как нелепая птица,
Завернувшись в видавшее виды пальто.
Этот сон наяву будет длиться и длиться...
Из поэзии в жизнь не вернётся никто!

ОКТАБРЬ

У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплим костерок – ну, хоть у этой ивы.

Она среди камней стоит, едва дыша –
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберём с тобой сухого камыша,
И для неё сошьём из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звёзды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ

Птицы у нас – синие,
И паруса – алые.
Улицы наши – линии –
Прежде были каналами.

Нас на волнах качает.
С нами играют ветры.
Мы закаты встречаем
И провожаем рассветы.

Всякой твари – по паре.
Лица у нас – любые.
Утром глаза – карие,
Вечером – голубые.

Мы здесь – особой пробы,
Мы на простор выйдем,
Если мостов скобы
Из берегов вырвем.

Здравствуй, косой дождик,
Здравствуй, мокрое лето!
Каждый из нас – художник.
Всякий – с душой поэта.

* * *

Скоро утро. Тоска ножевая.
В подворотню загнав тишину,
На пустой остановке трамвая
Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
Замечательно сука поёт.
Никогда шансонеткам сопливым
До таких не подняться высот.

Этот вой, ни на что не похожий,
Этот гимн одинокой луне
Пробегает волною по коже,
Прилипают рубашкой к спине.

Пой, бездомная, пой, горевая,
Под берёзою пой, под сосной,
На пустой остановке трамвая,
Где любовь разминулась со мной.

Лунный свет я за пазуху прячу,
Чтоб его не спалила заря.
Плачет сука, и я с нею плачу,
Ненавидя и благодаря...

* * *

Бросил в угол и ложку, и кружку,
И когда это не помогло –
На чердак зашвырнул я подушку,
Что твоё сохранила тепло.

Не ударился в глупую пьянку,
Не рыдал в тусклом свете луны,
А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...

г. Санкт-Петербург

Иван Шепета

ЗАКАТ НАД АМУРСКИМ ЗАЛИВОМ

Пробились звёздочки, как гвозди,
с изнанки неба вслед заре,
где чайки то, как точки вовсе,
то, чуть поближе, как тире,
метались... нет, не пели песни –
вопили... вдруг в момент исчезли,
и жар сошёл сквозь облака
с ударом первым молотка.

Похоже, это – к распродаже...
какая вывеска извне
прибита?.. что, уже не наше
всё, что на этой стороне?

Я, в море камешки кидая,
о вечном мыслю... между тем
и солнце в сторону Китая
зашло – как будто насовсем;
под красный флаг, в тот рай оффшорный
заводов, фабрик, мёртвых рек,

где в дорогой станок – дешёвый,
как винтик, вкручен человек.
Когда к нему вернётся память,
и лбом ему упрёмся в лоб,
его нам не переупрямить,
и обходных не будет троп.

Глазея на маньчжурский пламень,
от ново-византийских стен
упорно я кидаю камень,
листая Книгу Перемен,
пока не наступили сроки,
и выбирают якоря
закаты во Владивостоке
в районе фабрики «Заря».

***

А утром снег припорошил
в курортной зоне тихий дворик...
Тот снег – ещё в минувший вторник –
Росгидромет наворожил.

Как это странно, что – зима!
Не ждал, не верил. Жил вслепую.
И мысли гнал... Пришла сама –
как снег на голову седую!

Сказать не успеваю «стоп!»,
миг ослепления внезапен.
Тяну билет, входя в озноб:
да, или нет? Опять экзамен!

Опять я школьник. Ученик.
Опять слова делю на слоги...
И до утра горит ночник
моей тревоги.

***

Вверх по распадку неба свод – белёс,
и сучья – ноты, что без должной цели
торчат в стволах невидимых берёз,
а чуть пониже – притаились ели.

И тихо так, что слышен каждый звук:
лай из посёлка – подневольный, тощий,
и с неба – вздох, и дятла – дробный стук,
и ключ – журчащий под метровой толщей.

Похожим став на этот лес – седым,
где в полдень снег на чёрных ветках тает,
я человеком стал – немолодым,
когда не нот, а пауз не хватает.

***

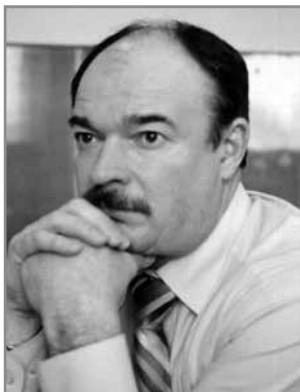
В окошко гляну –
как снег на голову
зимнее небо...
О, этот вид –
гнездо сорочье под небом!
Голое.
Только взгляну – знобит!

А ты лишь стебель из вазы тронешь –
он хрустнет нежно, как вздох:
наши птенцы – летают,
давно уж,
а мой букетик засох!

Молчу,
не зная, к чему стремиться.
За стёклами
в полумрак
видно, как состарились лица,
а я и не помню как...

г. Владивосток

Иван Щёлоков

* * *

Охраните меня от ненастного,
 От залётного ветра ознобного,
 Чтобы душу туманом не застило
 Из овражного зева утробного;
 Чтоб несло костерком еле тлеющим
 От осенних деньков над бахчевнею,
 Там, где женщиной, огненно млеющей,
 Занимается зорька вечерняя ...
 Я неспешно пройдуся по тропиночке,
 Тайну столько следов чьих-то вызнавшей.
 Как щемяще сведёт мне горчиночка
 Скулы гроздью рябины невызревшей!

БЕЛЫЙ БОК И ЧЁРНОЕ КРЫЛО

Я тебя изъял из подреберья,
 Где когда-то золотились перья.
 Им на смену ветром принесло
 Белый бок и чёрное крыло.

Птица моя странная – сорока.
 Что мне от тебя? Одна морока!
 Выболтала рощам и лугам
 Всё, что полагалось только нам.

Этот голос подхватило время,
 В нём созрело брошенное семя.
 Чуда нет, но семя проросло
 В белый бок и в чёрное крыло.

И летят, от двух начал зачатые,
 Бело-чёрной масти сорочата.
 Где темно от них, а где светло.
 Белый бок, что чёрное крыло.

Кто не любит, пусть живёт надеждой,
 А кто любит, верит, как и прежде.
 Источают вечно тепло
 Белый бок и чёрное крыло.

КАТЕРОК

Пыхти, пыхти, мой катерок,
 Отцов библейское творенье!
 Наш путь с тобою не далёк –
 Всего до первого селенья.

Знакомый с юности маршрут
 Как лучший компас мироздания,
 Чтоб убедиться: ждут, не ждут,
 С желаньем или без желанья.

Косится день с отвесных гор,
 Подпудрив мелом луч заката.
 Каким я был до этих пор?
 И чем теперь душа богата?

Зачем же та, кого любил,
Волной по берегу плеснула?..
Пыхти, родимый! Больших сил
В тебя эпоха не вдохнула.

Наверно, не было нужды,
И прыти той на всех хватало...
Недолг пенный след воды,
Длинна лишь тень от краснотала.

Пыхти, любимый катерок!
Плыви, душа, против течения!
Не всякий пройденный урок
Нам ценен поздним повтореньем.

И не маршрут привычный плох,
Тревожит мощный ток стремнины...
Молю, чтоб только не заглох,
Едва доплыв до середины!

* * *

Оставь меня. Хочу побыть один.
Устал от голосов пустых и резких.
Открою окна – лунный серпантин
Усыплет мягким блеском занавески.
Сольётся мир – небесный и земной –
В мерцанье звёзд и трепете душевном,
И что-то вдруг произойдёт со мной,
И образ твой не станет утешеньем.
Какая жизнь! Почти на волоске.
И что ни миг – дыханье вхолостую.
И лунный луч скользит в моей руке,
И я за ним скольжу – не протестую!

г. Воронеж

Евгений Юшин

* * *

Оглянешься – полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил золотых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорога.
Но не купить небесный свет.
Как не гребь деньгу и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

* * *

Продают и землю, и берёзы,
И огни, дрожащие во мгле.
Скоро продадут и наши слёзы.
Реки – это слёзы по земле.

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои –
Потому что это я и есть.

АВГУСТ

Гудят молодые меды и надломлены соты,
И солнце густеет на блюде в кружении ос.
Лесными просёлками, лугом померкшим, болотом
Качается грузного августа пламенный воз.

Выносят сады в подолах разноцветие яблок.
Темнеет по лужам берёзовых листьев настой.
Озябши под вечер, к стожку прибивается зяблик,
И гнёздами пряные грузди лежат под листвой.

Уже кабаны нажрались желудей и крапивы,
Над лугом далёким в одышке застыла гроза.
О чём-то прощальном лепечут поречные ивы,
И щурят избушки свои голубые глаза.

Маслята молочные с верхом корзину укрыли.
По тёплой хвоинке ползёт золотой муравей.
Стрекозы роняют почти что стеклянные крылья,
И пенится горькое солнце в изгибах ветвей.

Возьму это солнышко, эту бруснику щекастую,
На губы её положу – и закрою глаза:
То жизнь моя, жизнь – удивлённая, терпкая, красная,
То песня родная – скользнувшая небом слеза.

Душой обниму эту вольную, светлую, сизую,
Дощатую родину, чтобы и сыну расти.
И весь этот август, всю песню пушу по карнизу,
Чтоб в белую зиму ему зеленеть и цвести.

Ещё не сентябрь, но прощайте пролётные гуси!
Я вас провожу – улетайте – храни вас Господь!
Всё катится воз. И всё катится небо над Русью.
Сжимается сердце, сжимаются пальцы в щепоть.

* * *

Двадцать первый век, перезагрузка.
Интернет и брат тебе, и друг.
Ну а мне роднее трясогузка
И туманом выбеленный луг.

Но уходят люди в дым экрана
И живут за призрачным «окном».
Иллюзорный мир всегда обманет,
Потому что Бога нету в нём.

Потому, намаявшись по веку,
Золотишком проторяя путь,
Либо вовсе сгинуть человеку,
Либо в сердце родину вернуть.

А у нас тут – синие озёра,
И на окнах – синие подзоры.
И на вишнях подсыхает пот.
Надо мною облака и ветки,
Подо мною и века, и предки.
И петух – букетом у ворот.

г. Москва

Содержание

Анатолий Аврутин.....	5
Дмитрий Артис.....	8
Глеб Артханов.....	11
Владимир Алейников.....	14
Сергей Аругюнов.....	17
Юрий Беликов.....	20
Любовь Берзина.....	23
Владимир Берязев.....	26
Владимир Бояринов.....	29
Ян Бруштейн.....	32
Лариса Васильева.....	35
Анна Гедымин.....	38
Глеб Горбовский.....	41
Дмитрий Дарин.....	44
Сергей Донбай.....	47
Валерий Дударев.....	50
Евгений Евтушенко.....	53
Наталья Егорова.....	56
Валентина Ерофеева.....	59
Валентина Ефимовская.....	62
Максим Замшев.....	65
Николай Зиновьев.....	68
Геннадий Иванов.....	71
Геннадий Калашников.....	74
Диана Кан.....	77
Ярослав Кауров.....	80
Виктор Кирюшин.....	83
Виктор Коврижных.....	86
Наталья Кожевникова.....	89
Надежда Кондакова.....	92
Владимир Костров.....	95

Геннадий Красников.....	98
Марина Кудимова.....	101
Станислав Куняев.....	104
Светлана Леонтьева.....	107
Алла Линёва.....	110
Борис Лукин.....	113
Наталья Лясковская.....	116
Надежда Мирошниченко.....	119
Юрий Могутин.....	122
Александр Нестругин.....	125
Александр Паксиваткин.....	128
Виктор Петров.....	131
Андрей Ребров.....	134
Галина Рудакова.....	137
Марина Саввиных.....	140
Валерия Салтанова.....	143
Евгений Семичев.....	146
Константин Скворцов.....	149
Владимир Скиф.....	152
Виктор Соколов.....	155
Евгений Степанов.....	158
Светлана Супрунова.....	161
Светлана Сырнева.....	164
Михаил Тарковский.....	167
Вадим Терёхин.....	170
Аршак Тер-Маркарян.....	173
Виктор Тихомиров-Тихвинский.....	176
Алексей Филимонов.....	179
Виктор Хатеновский.....	182
Владимир Хохлев.....	185
Наталья Чистякова.....	188
Андрей Шацков.....	191
Владимир Шемпученко.....	194
Иван Шепета.....	197
Иван Щёлоков.....	200
Евгений Юшин.....	203

Литературно-художественное издание

ГЛАГОЛ

Карта современной поэзии

ДОНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
344000 Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23
donliter@yandex.ru

Редактор Дмитрий Сурувикин
Вёрстка Илья Кинус
Корректор Татьяна Крамскова

ЗАКАЗАТЬ КНИГУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
Тел.: 8-931-9-803-803
E-mail: tihomirvik@mail.ru

Сдано в набор 11.12.2016. Подписано в печать 10.01.2017
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.